

The top half of the book cover features a photograph of the Eiffel Tower in Paris, France, set against a dramatic sunset sky with golden and blue tones. The city skyline is visible in the background, with various skyscrapers and buildings. The bottom half of the cover is a solid orange color.

16+

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН 1

Александр Леонидович Кириллов

Время перемен 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65743085

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-95956-9

Аннотация

В результате разговора с ангелом Александр Королев очнулся в теле обычного ученика девятого класса, живущего в далеких 1980-х – последних годах государства с аббревиатурой «СССР». Все тогда отличалось от современности: люди, жизненные ценности, образ их мыслей и даже название страны. Но, главное, это было время романтической юности – время больших перемен и надежд. Начались новые фантазийные приключения героя, который даже не подозревает о том, какие зигзаги судьбы ожидают его в будущем.

Содержание

Глава 1. Снова шестнадцать	4
Глава 2. А жизнь-то налаживается	33
Глава 3. Ремонт и художники	46
Глава 4. В лагере	71
Глава 5. Удар ниже пояса. Школа и улица	86
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Александр Кириллов

Время перемен 1

Глава 1. Снова шестнадцать

Я открыл глаза и осмотрелся. В результате проведенного визуального осмотра я определил, что моя душа находилась в человеческом организме, который возлежал на кровати, стоящей в небольшой, но довольно обшарпанной комнате. На стенах были поклеены обои эпохи расцвета развитого социализма – ядовито-оранжевые из самой дешевой бумаги. Почему появилось такое сравнение? Да потому, что в нашей кооперативной квартире, ключи от которой моя семья получила после сдачи дома в 1978 году, как раз такие и были – ядовито-оранжевые в зале и бледно-зеленые в спальне.

Честно говоря, я за последние годы в своих обеих жизнях отвык от созерцания такого шедевра советской промышленности, который иначе, как издевательством над вкусом потребителя не назовешь. В моей первой жизни с середины девяностых годов стали доступны любые расцветки и качество обоев. Во второй с конца 1940-х годов я также пользовался хорошими обоями, производимыми нашими кооперативами, а с определенного периода жизни, вообще материала-

ми лучших мировых и советских брендов, которыми были отделаны стены кабинетов и жилых комнат Кремля, где вообще все было иного уровня. Продолжая осмотр местности, у окна мной был обнаружен обычный советский письменный стол не первой свежести и далее у стены такой же древний шифоньер с антресолями.

«Так-с, и куда меня угораздило на этот раз провалиться? – подумала моя голова, формируя первую осмысленную мысль. – Провалиться мне на этом месте, но, судя по окружающему антуражу, я снова в СССР и, почему-то снова не сын маршала, а каких-то обычных малообеспеченных родителей. Кстати, а кто я вообще такой и кто со мной тут живет или я с кем?»

Я поворочался и начал аккуратно подниматься, при этом собирая от нервных окончаний всех частей тела и последующего визуального осмотра, информацию о себе.

Ничего не болело, так что вероятнее всего я совершенно здоров – это меня порадовало. Далее я встал, с трудом удержав равновесие, все же надо было привыкнуть к новому телу, и медленно побрел к шкафу, где на открытой двери было прикреплено ростовое зеркало.

В зеркале я увидел субъекта, красивее орангутанга, но, как мне показалось, ненамного, разве что волосы на голове были темными и «в меру пушистыми», а не с такими залысинами, как на голове до темечка указанного примата. Судя по пустоте содержимого моей новой головы, страдалец или

счастливчик, в которого я вселился, имел мозг чистый и не засоренный излишней информацией, так что я вполне мог сказать о бывшем владельце тела, что он относится к подвиду *Homo troglodites*, то есть предку человека с неразвитым мышлением и речью, а в понимании нашего времени – просто малокультурному, зато очень здоровому. Ну, что же, благодаря мне, этот товарищ станет в ближайшем времени полноценным *Homo sapiens*, то есть человеком разумным, поразив всех знакомых новым внешним видом, своей мудростью и, все забываяю это слово – интеллектом.

В зеркале стоял парень примерно 185 см росту и килограммов 75 весу, довольно крупный и плотный, но не накачанный, а просто крепкий от природы. Такой вот анатомический тип строения – широкие кости рук и ног, широкая грудная клетка и, судя по ощущениям, довольно сильные мышцы.

В общем, сила есть – ума не надо, а если уж ум добавится, то это, как я считаю, будет намного лучше для личного здоровья. Почему? Да потому что будет меньше искать приключений на свою задницу, и для душевного равновесия окружающих так спокойнее будет.

Черты лица были, в общем-то, грубоваты, явно не эталон аристократизма, но если сделать нормальную мужскую стрижку, убрав непонятные патлы хиппи, одеваться поопрятнее, говорить не только матом, но еще и немного литературного языка добавить, то получится вполне обычный

молодой человек, а не шпана приבלатненная, какой до моего вселения являлся, кстати, кто?

Я «на автомате» полез в ящик стола и нашел паспорт гражданина СССР, выданный в 1984 году на имя Виктора Петровича Калинина, родившегося 19 января 1968 года. Оглядев стол, увидел на нем учебники за 9 класс обычной советской школы. Посмотрев на календарь, я также узнал, что сегодня воскресенье 26 февраля 1984 года, то есть выходной день, который Архангелы дали мне на «вживание в среду», чтобы было время спокойно осмотреться. Таким образом, судя по всему мной наблюдаемому, хулиган, матерщинник и крамольник Виктор Калинин был 16 лет отроду и учился, а точнее сказать, состоял в девятом классе, готовясь довольно скоро выйти во взрослую жизнь, если, конечно, доживет до нее, а не получит «арматуриной» по голове в очередной уличной разборке.

Ну, что же, придется адаптироваться к своей новой жизни. Одного я не понял, на кой хрен меня сюда закинуло, да еще не в Михаила Горбачева, а в непонятно какого юного дарования, проживающего в городе Орле. Что мне тут делать-то в принципе?

Ладно, попал и «хусим» с этим делом-то. Поживем и поглядим, куда кривая вывезет, как говорится «давай вперед и не бойся, а там прорвемся»!

Было неприятно осознавать, что я ничего не помнил из жизни этого Вити Калинина. В предыдущем перевоплоще-

нии мне повезло, и знания приходили сами по себе по мере потребности в них, а тут был полный «зеро». Чтобы придумать, почему я так изменился по сравнению с тем, кем я был ранее, надо было соорудить какую-нибудь «неприятность», например, полезть отверткой в домашнюю, а лучше школьную электропроводку, замкнуть ее там и изобразить потерю сознания от удара током. Можно было, конечно, свалиться при всех куда-нибудь в яму, чтобы получить эффект доцента из фильма «Джентльмены удачи» типа «в вагоне с полки упал, головой ударился, теперь тут помню, тут не помню», но первый вариант мне казался предпочтительнее. Там я точно отделаюсь легким испугом, а упав, можно было взаправду, что-нибудь себе сломать.

Естественно, кроме дел насущных, то есть внедрения в новую обстановку и знакомству с родителями, меня интересовали события моих прошлых жизней, что предстояло выяснить в самое ближайшее время.

В общем, я нашел на стуле довольно грязную одежду и решил поискать что-то чистое, а все свое грязное имущество перестирать. Поэтому или заодно, решил сразу искупаться, раз уж это тело теперь мое, то пусть все будет «с чистого листа». Верхней одежды и нижнего белья в шкафу было немного, то есть мой герой жил бедно и очень просто. Пошарив в шкафу, я выбрал одежду, которая выглядела поновее и отправился искать туалет и ванную. В двухкомнатной квартире санузел был совмещенный, в котором были установлены

старенький унитаз, старая чугунная ванна, состарившаяся еще при императоре Николае втором и стиральная машинка «Сибирь» с валками. Такая же была у деда в моей первой жизни. Я нашел новую щетку еще с натуральной, желтой по цвету, щетиной, а не пришедшим им на смену щеткам с белыми искусственными волокнами и умылся. Потом залез в тяжелую чугунную ванну, не прогибающуюся коварно под тобой, как современные металлические, и искупался под душем. В общем, совершив ритуал омовения, я был готов к подвигам. Было слышно, как на кухне что-то шипело на сковородке, то есть хлопотала маман, что-то готовя поесть. Одетый в чистое белье, я протопал на кухню, разведать, чего можно перекусить. Там готовила обед моя новая мама. Тут же дегустировал водку, заедая ее завтраком из сосисок и макарон мой новый отец. Для меня это были чужие люди, никаких теплых чувств я к ним не испытывал, поэтому мамой и папой, как я когда-то очень давно называл своих родных родителей, называть их не собирался. Новые родители были обычными людьми из трудового сословия. По моим подсчетам матери было лет 35, но выглядела на все 50 – усталая, забитая, рабочая женщина. Надо будет узнать, кем хоть она работает и где, тоже самое надо выяснить и про отца. Отец был довольно высоким человеком, понятно в кого я пошел, но чувствовалось, что он был пьющим. Пустой взгляд безжизненных глаз, в которых нет ни радости жизни, ни ее смысла. Два усталых человека-автомата. На меня они глянули, но без

энтузиазма.

«Садись, покушай, Вить, – сказала мама, – ты сегодня с утра переоделся в чистое, что-то случилось?»

«Однако, уставшая, а изменения заметила, и покушать пригласила. Значит, еще «жива ее душа», беспокоится о сыне, – отметил я про себя, ответив, – спасибо, я чуть позже позавтракаю».

Я прошелся по квартире, побывав в зале: «Да, небогато живут советские рабочие, хотя, многие, именно из рабочего класса, получали на сдельной зарплате по 300-500 рублей в месяц, куда там до них инженерам – рабочие были просто богачи по сравнению с инженерной интеллигенцией со 180 рублями. Очевидно, здесь просто никому ничего не надо. Меня окружали обшарпанные стены, старая мебель, черно-белый телевизор «Рекорд» с двумя программами центрального телевидения. На нем лежала газета с ТВ-программой, на которой галочками отмечались интересные передачи. Ностальгией именно моего детства и юности повеяло на меня от этого вида. В углу стояла педальная ручная швейная машинка, то есть эта женщина умела шить или работала швей.

«Кстати, а где я живу?» – подумал я, выглянув в окно и осмотревшись. Оказывается, что я жил в пятиэтажной «хрущевке» на первом этаже – ну, на первом, так на первом.

В этот день я решил ничего у родителей не спрашивать, а выяснять все меня интересующее после операции «Удар

тока». Я подкрепился, попросил рубль и отправился по своим делам. Для начала я решил посмотреть телевизор, что там нынче показывают. Вечером должна была быть передача «Международная панорама», надо будет посмотреть, что в этом мире творится, а потом программу «Время», заодно просмотрел газету «Известия», хорошо знакомую мне по прошлой реинкарнации – были у меня знакомые журналисты из этого издательства. Также решил записаться в местную библиотеку, чтобы посмотреть подшивки газет за прошлые годы, а точнее говоря, за период конца шестидесятых. Естественно в моих ближайших планах была поездка в Ростов-на-Дону и Шахты, чтобы разобраться с моими родными и шахтинским имуществом. В общем, планов было громадье, но пока была маленькая проблема – у меня не было денег. Нет, рубль или трояк я мог попросить у родителей, точнее у мамани, потому как отец все свое кровно заработанное куда-то спускал. И у меня сложилось впечатление, что ни отец, ни мать никаких 500 рублей в месяц не получали, а довольствовались денежным содержанием где-то в пределах 120-180 рублей в месяц каждый. Слишком уж просто все было дома. Та же мать при наличии свободных денег точно украсила бы свой дом, попытавшись создать подобие «гнездышка», но видать, все уходило на питание и содержание себя с сыном, немного на коммуналку.

Я пошел исследовать город Орел, ведь раньше я тут никогда не был, даже во время ВОВ. Зашел в парикмахерскую и

попросил сделать что-то «а-ля полубокс», но без залысин по бокам. Дальше, спрашивая у народа, нашел районную библиотеку и записался в нее.

«Здравствуйте, – обратился я к немолодой сотруднице, – а есть у вас подшивки газет за 1965-1970 годы, любых газет?»

– А что это вас так заинтересовали эти годы?

– Реферат готовлю по теме «Мое рождение и его влияние на развитие СССР»

– Шутник вы, однако, молодой человек, сейчас принесу вам подшивки. А может быть, вам книгу какую-нибудь дать почитать? Сейчас, как раз сдали Вальтера Скотта «Квентин Дорвард», очень интересный роман. Этого писателя, как и Дюма, всегда забирают почитать.

Я вспомнил, как когда-то в первой жизни зачитывался Скоттом в школьные годы, взхлеб читая его произведения: «Роб Рой», «Квентин Дорвард», «Айвенго», советскую кино постановку которого мы с удовольствием смотрели в кинотеатрах. Однако, когда от нечего делать, решил почитать его в 45 лет, то я удивился тому, насколько сейчас мне показалось скучным и даже примитивным изложение событий. Надо же, ведь раньше в 1980-е годы его и взрослые люди, в том числе и мои настоящие родители, читали с удовольствием, а в 2000-х я просто не смог читать этот роман, как и мой отец, также сделавший безуспешную попытку. Видно, слишком поменялась жизнь от романтизма к прагматизму в 2000-х годах, в результате чего ушли в прошлое и романтические

герои.

– Нет спасибо, я читал его, пусть кто-то другой возьмет роман и с удовольствием скоротает вечернее время.

В зале между книжных полок я увидел приятную девушку, которая стояла и смотрела на меня, разинув рот, в буквальном смысле этого слова.

Я улыбнулся и показал ей пальцем, что пора ротик и прикрыть.

Она засмушалась и поздоровалась.

«Добрый день», – ответил я и повернулся к библиотекарше, заполнявшей мои данные из паспорта в учетную карточку читателя.

– Пойдемте со мной, Виктор, поможете мне подшивки нести.

Я набрал сразу «Известий», «Комсомольской правды» и «Труда».

«К сожалению, за эти годы у нас «Правды» нет», но, может быть, более позднюю подшивку возьмете?» – спросила меня старушка.

«Правды нет, труд три копейки», – процитировал я старую советскую шутку.

– Не надо так шутить, молодой человек, вам еще жить надо, – укоризненно заметила мне бабуля.

«*Salus populi suprema lex esto*», что в переводе с латыни значит «благо народа пусть будет высшим законом», однако «*mundus universus exercet histrioniam*», то есть весь мир зани-

мается лицедейством, а наша страна является частью этого мира», – выдал я фразу в ответ.

Продолжать дискутировать с ней я не стал, и пока она переваривала мудрость веков, по какой-то причине застрявшую в моей голове, ушел в небольшой читальный зал, где уселся за стол и углубился в изучение новостей прошедших лет. Точно сказалось общение в прошлом с супругой Галей с ее римским правом и всякими латинскими высказываниями в этом духе.

В это время к библиотекарю подошла девушка с книгами.

– Таня, правда, ты чего рот-то раскрыла, когда увидела этого молодого человека?

– Бабушка, это же мой одноклассник Калина, то есть Витя Калинин.

– Ну и что?

– Но он меня не узнал, и так изменился – постригся, разговаривает по-другому, культурный какой-то весь. Я вообще не была уверена, что он читать-то умеет, а тут Вальтера Скотта читал когда-то, латинскими высказываниями сыплет, как профессор, кстати, запиши на меня Дорварда, я еще почитаю его. Какая там любовь, романтика приключений, рыцари и прекрасная дама.

«Белый отряд» Конан Дойля почитай, тебе понравится – море рыцарей, суперпрекрасная дама и океан любви! – крикнул я в ответ на ее спич своей бабушке. – Я именно по нему читать учился».

– Ой, как неудобно, он все слышал.

– Ничего, Тань, парень с юмором, а я тебе постараюсь взять «Белый отряд», как появится.

– Витя, а что Конан Дойль не только про Шерлока Холмса писал?

– Конан Дойль страшно обижался на то, что его ассоциировали только с Холмсом и Ватсоном и не замечали другие его рассказы и романы. А скажите, ваши постоянные посетители всегда критикуют начинающих читателей? А то хочется попросить жалобную книгу, чтобы оставить романтический автограф на память!

– Вам, молодой человек, «Му-му» подойдет или еще жалобнее подобрать?

Мы все втроем от души посмеялись.

Я же читал дальше газеты и не мог понять ситуацию: Брежнев есть, Косыгин есть, Подгорный есть, Андропов и Щелоков есть, а Кольцова и министров конца 60-х годов Жукова, Ледкова, других, футболиста сборной Лени Королева нет.

– Что за ерунда такая, неужто я снова в первую реальность попал?

Пересмотрев ряд газет из всех подборок, я понял, что тут все было так, как в моей первой жизни и никаких Кольцовых с его «нью», то есть новыми пятилетками тут и близко не находилось.

«Ладно, остается вариант номер два. Похоже, что сейчас

Шахты – это такой же провинциальный городок с обычным частным сектором, поэтому никаких вип-домов у меня там нет. Значит, поднакоплю немного денег и поеду в Ростов к самому себе в гости. А там постараюсь как-нибудь задержаться, осесть и по мере сил помогать родителям и себе, семикласснику», – озадаченный такими новостями, я наметил план своих будущих действий.

В задумчивости я болтался по городу, соображая, как мне дальше обосновываться. Задерживаться тут я не хотел, так что собирался в весенние каникулы махнуть в Ростов и попробовать зацепиться там. Но, как говорится, хочешь насмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Все оказалось немного не так, как я планировал, поэтому в будущем я с улыбкой вспоминал свои сегодняшние метания.

Идя по городу, я понял, что заблудился, и что было самое поганое, так это то, что я не знал своего адреса. Мне даже в голову не могла прийти мысль о том, что я заблужусь в этом городе. Проходя мимо здания, которое оказалось местной детско-юношеской спортивной школой или ДЮСШа меня окликнул какой-то юноша.

«Здорова, Кент! Чего ты какой-то потерянный, постригся, смотрю?» – ко мне подошел невысокий паренек с боксерскими перчатками, что-то из разряда «мухи».

– Да голова болит что-то. А ты чего тут делаешь?

– Как чего, я же тут боксом занимаюсь, второй взрослый получил, вот на каникулах будут соревнования городские,

постараюсь в призы попасть.

– Тренируйся, тогда попадешь.

– А сам не хочешь попробовать, у тебя хорошие данные, только медленный немного. Глядишь, станешь звездой бокса, чемпионом города.

«Естественно стану, а что медленный, это факт, – подумал я про себя, – ну скорость натренирую, дышалка сейчас плохая, но тоже подниму – разбегаюсь, в общем, надо попробовать. Может и правда это мой шанс тут выбиться в люди».

«Пошли Витек, защищать меня будешь от тяжеловесов, или я тебя! – смеясь, похлопал меня парень. – Ты назавтра «домашку» сделал?»

– Чего?

– Понятно, Кент.

– Пошли уже, отличник хренов.

– Ну чего ты меня по фамилии называешь, знаешь же, что не люблю ее.

– Забыл, а ты что, правда, Хренов?

– Кент, ты точно усталый какой-то, Серега Хренов я, почти твой сосед по парте, только спереди сижу.

– Ничего, Сергей, хрен – это очень полезная трава, витаминов в ней много, к тому же это такой универсальный предмет, который можно положить на любую ситуацию, после чего жизнь сразу становится легче.

Мы оба заржали в голос, и зашли в здание.

Тренером в секции бокса школы был Игорь Петрович Пе-

тюнин, а в народе просто Петрович.

– Серега, кого это ты привел к нам?

– Да вот, Игорь Петрович, это одноклассник мой, изъявил желание позаниматься в секции.

– Здравствуйте, меня зовут Виктор Калинин, хотелось бы попробовать себя в боксе.

– Сколько лет, вес, чем-нибудь занимался раньше?

– 16 лет, вес примерно килограмм 75, вроде не занимался.

– Что значит вроде? Ну, что же, переодевайся, потом на весы, а дальше разминка, разучивание элементов боксерской техники и спарринги. Все ясно?

«А можно я босиком и в семейных трусах? Дело в том, что у меня формы с собой нет, не думал, что попаду к вам», – спросил я, не зная, какие тут установлены правила.

– Надеюсь, трусы не в горошек или цветочек?

– Нет, черные, сегодня чистые одел.

– Ну, это ты молодец, а то бы от их благоухания задохнулись все.

Наш диалог слушали другие спортсмены, весело улыбаясь и подшучивая над новичком. Я вышел на тренировку, за мной подтягивались еще переодевшиеся ребята, в общем, человек тридцать нас набралось. Отдельно стояли и тяжелыми ударами мяли «грушу» человек шесть «бывалых» боксеров, возможно, что мастеров спорта или КМСов. В нашей же группе были ребята разрядники, занимающиеся два-три года. Даже среди начинающих были довольно крепкие ребята.

та. Хренов тоже относился к нашей группе, видать, не дорос еще до отдельных тренировок.

Мне из прошлых жизней было все более-менее знакомо в тренировочном процессе, единственное, что сейчас я еще не полностью овладел телом, в которое вселился, и была некоторая раскоординация движений, я бы это так назвал, не ощущал я его полностью своим, а значит, не мог пользоваться всеми его возможностями. Если в обычной жизни это никак не сказывалось, то в спорте я это ощутил сразу. Но это дело было поправимо, несколько дней в тренировках и это пройдет, изучу я все возможности нового организма. И еще при общей здоровости, у меня была очень плохая «дыхалка», потому что уже после 20-ти минутного бега по залу я задыхался.

Потом были спарринги. Мне достался в партнеры тяжеловес Дима Дегтярев, крепкий парень, но медленный, из-за чего и застрял на третьем взрослом разряде. Он долго думал, долго готовился, долго подбирался, в общем, боксировал так, как боксируют многие посредственные боксеры «тяжи», которых показывают по телевизору. Встанут напротив друг друга, перетаптываются вокруг и выбрасывают друг друга один удар за 20 секунд.

«Ну, опыт не пропьешь!» – подумал я, обтанцовывая Диму в стиле Мохаммеда Али, попутно обрабатывая его несильными ударами – джеббами, иногда пробивая более чувствительные встречные кроссы, и даже залепил размаши-

стый свинг. Дима героически принял все на свою голову, изредка подставляя под удар свои перчатки. После этой болезненной оплеухи он завелся и стал двигаться порезче, а защищаться получше.

«Дима, ты пока по зубам не получишь, еле ползаешь. Надо сразу так вот боксировать, как ты сейчас начал!» – подсказывал ему Петрович.

Пропрыгав раунд, я стал задыхаться и перешел на шаг, выцеливая открытые части тела соперника и перчатками блокируя его одиночные удары.

«Все хватит, следующая пара. Куришь?» – спросил у меня Петрович.

– Сегодня бросил.

– Посмотрел на тебя, думал «мешком» будешь, а так ничего. Точно раньше не занимался боксом?

– Для себя баловался, не более, да в драках иногда участвовал.

– Бросай курить и подтягивай выносливость – теперь бег каждый день, будем из тебя чемпиона делать.

После тренировки мы шли домой с Димой и Сергеем. Я наводящими вопросами аккуратно выяснил, что все мы живем недалеко друг от друга, и Дегтярев жил на соседней улице. Расставшись с Димой, я попросил Серегу пройтись к нашей школе, как бы за компанию подышать еще воздухом.

– Витек, а как тебе новая девчонка, что пришла к нам в класс, Ирка, нравится?

– Какая Ирка?

– Парфенова.

Я прислушался к своим ощущениям, может, что подскажет «мозговая память», но так и не понял – нравится мне Ирка или нет: «Да хрен его знает, Серег, завтра и погляжу, как я к ней отношусь. А как она домой ходит, а я как?»

– Кент, ты чего-то, правда, не в себе сегодня. Может, дома что случилось?

– А ты что – помог бы?

– Ну, если бы попросил, то помог. Надо помогать друг другу.

– Спасибо, Сереж, я запомню.

Мы расстались с Хреновым, да и я уже сам узнал свою улицу и визуально нашел свой дом. Подойдя к дому и нащупав в кармане паспорт, я вспомнил, что в нем же указана моя прописка. Я достал его и вчитался в свой адрес, запоминая его.

«Надо будет карту города купить и изучить ее», – подумал я и зашел домой.

«Сынок, весь день не было тебя, иди, покушай, я борщик сварила, какой ты любишь», – проговорила женщина, ставшая в силу обстоятельств моей мамой. Второй родитель сидел на своем месте, так же с полной рюмкой и полупустой бутылкой «Русской», только вместо сосисок у него была тарелка каши с котлетой.

«Да, с родителями тоже надо что-то делать. Женщину

жалко, да и мужика тоже. Так жить нельзя. А сколько я здесь пробуду неизвестно, но в этом доме, как минимум, год. Исправить их – увольте, это бесполезное и просто нереальное задание в этом возрасте, а вот чем-то заинтересовать, чтобы они «увидели свет» в конце тоннеля, может быть и можно. Вот только чем?» – думал я.

Эти размышления прервал голос родителя, дающего ценные наставления: «Где ты весь день болтался? Смотри, сын, станешь пить, глушить безысходность водкой, и не заметишь, как сопьешься. Я вон тоже борюсь, но не могу победить ее».

– А чего не можешь-то, пьешь-то почему?

– Жизнь такая, потому что. Что ты смотришь на меня волком. Я тоже был молодой и сильный, женился, тебя, оболту-са, родил, а ты вместо опоры нам к старости, шпаной стал.

– Может быть, на тебя смотрю и пример беру.

– Ах, ты, паскудник!

– Сиди, батя, не дергайся. Раз жизнь такая, значит, будем эту жизнь менять.

Я ушел к себе и завалился спать, чтобы утром собраться и топать в школу.

Район был окраинный, поэтому и контингент в школе учился довольно слабый. Если даже меня взяли в 9-10 класс, то кто тогда учился до 8-го, мне аж интересно стало. Хотя были и настоящие отличники, точнее, отличницы, попавшие в эту школу и класс в силу своего местожительства, ну и хо-

рошисты. Я всегда был троечником, хотя до 9 класса подающим, правда, очень слабые надежды вырваться в хорошисты, но поскольку я в ПТУ или техникум не стремился, то для комплекта двух старших классов в 9 «Б» записали и меня. А вот в девятом классе мне, то есть моему реципиенту, стало совсем неинтересно учиться, и те слабые надежды стать хорошистом переросли в надежды остаться троечником и вообще получить аттестат зрелости. Человеком я стал довольно грубым и скучным по интересам. Правда вытянулся на 10 см и, имея приличные для 9 класса габариты, мог настучать «в дыню» своим одноклассникам или другим школьникам, что регулярно и делал. Стал курить «Беломор» или «Приму» – дешевые папиросы, а на другие не было денег. Деньги я отжимал у мамы и брал на гоп-стоп малолеток или подвыпивших работяг. В общем, мой герой становился готовым мелкоуголовным элементом или, попросту говоря, обычной шпаной, без каких-либо устремлений к лучшему. Печально, однако. Еще я с прошлого года пил дешевые портвейны и водку, и курил.

Оказывается, в классе меня называли Калиной, сокращая фамилию, или Кентом. Кличка эта приклеилась, как мне рассказали одноклассники, когда я стряс с какого-то «интуриста», оказавшегося в нашем городе по делам или на экскурсии, пачку сигарет «Кент» и ходил неделю, хвастаясь ею, не сколько куря, сколько доставая из нее сигарету, как будто собираясь закурить, а потом, пряча ее обратно в пачку, якобы,

передумал. Был у нас в классе парень по кличке «Мабейка», потому что он часто напевал слова припева из песни «Бони М» «My Baker», которые в исполнении советских ребят так и звучали «ма-ма-ма-ма, мабейка...». К слову говоря, в основу сюжета для этой знаменитой песни легла реальная история семейной американской гангстерской шайки 1930-х годов, руководила которой дама по имени Мамаша Баркер. Только Калиной меня чаще называли одноклассницы, а Кентом парни. А если углубиться в языковедение, то на тюркском кент означал город, например, Ташкент –каменный город.

Зайдя одним из последних в класс, я поглядел, где сидит Серега и уселся на парту сзади него рядом с какой-то принцессой килограммов под 80 весом при росте в 155 сантиметров.

«Боже, за что меня посадили с этой прекрасной тыквой», – подумал я про себя.

Народ уставился на меня в недоумении. Я был пострижен, чист, наглажен и производил впечатление не привычного всем Витьки Калины, а эдакого студента. Увидел я и Таню, которая мне приветливо помахала – симпатичная девушка, надо к ней приглядеться поближе или получше, хе-хе.

А вот на соседнем ряду сидела действительно яркая фея, эдакая жгучая брюнетка с обжигающими темно-кариими глазами – гроза мужчин, одним словом. Рядом с ней сидел крупный, немного толстоватый парень, явно неровно к ней дышавший по прозвищу Лапа или Лапин, как я узнал позже.

«Вон, значит, о ком говорил Хренов», – подумал я, наблюдая веселую рожу Сергея, повернувшегося ко мне и машущего головой в ее сторону.

– Ну что, вспомнил?

– Да понял я, о ком ты говоришь, шею не сверни себе только.

Я посмотрел на Ирку и подмигнул ей, в ответ она улыбнулась и недоуменно покачала рукой, намекая на мой новый имидж.

Я развел руками, мол, такой уж я теперь буду.

Первым уроком у нас была физика. Очень хорошо! побыстрее имитирую свой великий физический эксперимент, после чего для меня настанет, якобы, «великая задница», приведшая к моей новой манере поведения.

Я достал отвертку, принесенную из дома и поперся к электрической розетке. Быстро открутив болт, я снял защитно-декоративную крышку и стал ждать.

Зашла, как я узнал у соседки Марины, наша классная руководительница Зоя Сергеевна Печёнкина, обратившаяся ко мне со словами: «Калинин, что случилось, ты не заболел случайно?»

– Нет, Зоя Сергеевна, дело к лету идет, ну и решил постричься, а то жарко.

Вот тут я и закоротил контакты. Бахнуло громко, выбив пробки и обесточив всю школу с искрами от оплавленной отвертки, а я даже откинулся от стены и ударился о парту –

все смотрите, как меня тряхнуло!

– Калинин, ты живой? Ты что, совсем сдурел! Ты чего туда полез!?

«Опыты ставил, все нормально, Зоя Сергеевна», – ответил умирающим голосом я.

– Где болит, ожог есть, покажи?

– Нет ожога, просто ударило током, откинуло и все. Отвертка только немного оплавилась.

Прибежал директор и завхоз: «Зоя Сергеевна, что у вас случилось?»

– Калинин опыты ставил с электричеством, поэтому в розетку полез, вот и закоротил цепь.

– Идиот, а это кто расселся?

– Так это и есть Калинин.

– Не узнал, но все равно идиот! Родителей в школу завтра вызовите, лично переговорю.

«Да хрен тебе, а не родителей», – подумал я, поднимаясь.

В общем, заменили пробки, половина урока была сорвана, но потом все устаканилось и занятия продолжились

– Тема нашего урока закон Ома. Ну, кто мне расскажет о законе Ома? Калинин, раз ты сегодня обновленный, да еще и лично поставивший опыт, проверив сопротивление своего организма воздействию электрического тока, поэтому, может быть, сможешь что-то рассказать об основном законе, необходимом для расчета напряжения, силы тока или сопротивления.

Я выполз к доске и стал рисовать формулы. Нарисовал схематичную электрическую цепь с источником напряжения, указал стрелочкой направление тока, текущего по проводам, значок сопротивления. Затем вывел зависимости мощности и напряжения от тока и сопротивления.

Попутно я бухтел, объясняя классу, что я рисую: «Это, так сказать, формулы расчета упрощенной модели, описывающие схемы постоянного тока. В реальных цепях, например, если взять линии электропередач, должны учитываться геометрические размеры проводников – сами посудите на какие расстояния они тянутся, потери на излучение, потому что провод является антенной – об этом еще писал в своих трудах ученый Максвелл, материал проводников, имеющий различные коэффициенты электропроводности, внутреннее сопротивление. Вот для расчета таких параметров применяется закон Ома в дифференциальной форме. А если проводить расчеты для переменного тока, то необходимо вводить так называемые комплексные значения тока, сопротивления и напряженности электрического поля, но это институтский курс по основам теории электрических цепей. Основная единица измерения сопротивления материалов называется Ом, в честь этого великого ученого».

– Калинин, ты откуда это знаешь? Расскажи классу, зачем ты так усердно скрывал свои знания столько времени?

– Да почитал вчера справочник электрика, вот и знаю.

«Кент, ты что, правда, на ночь справочник читал, ты же

после бокса еле копытами ворочал?» – пристал ко мне Серж.

– Отцепись, делать мне нечего, как на ночь справочники читать. Стукнуло меня так, что в голове электрическое просветление и началось.

– Во дела, Кент! Ты сегодня на тренировку идешь?

– Иду.

На перемене ко мне подошла Ирина: «Вить, тебе идет новая стрижка, и вообще ты сегодня выдал. Кстати, а зачем ты в розетку полез?»

– Если честно, то надо же как-то объяснять, что я начал новую жизнь. А так все ясно – током стукнуло, вот и дуркует пацан.

Потом она отошла, а я поймал Сержа и стал пытаться его на предмет «кто есть кто» в классе, с кем я учился с первого, а кто пришел в 9-й в класс, с кем-то я вообще дружу или сам по себе?

– Вообще-то, ты сам по себе, у тебя уличные друзья, а в классе ты почти со всеми с 8-го перешел и я тоже, а новые пришли с расформированных В и Г классов: Кова, Макар, Сява, Мабейка, Кривой и Мыш, ну и девчонки. С Сявой ты вроде общался получше, и с Лапой, но сейчас после летних каникул ты сильно изменился, а сегодня так вообще изменился.

– Ладно, покажи мне эти рожи, и одноклассниц, заодно, опиши.

Так я по-быстрому снова познакомился с классом, слушая

краткую Хреновую характеристику на ребят, а потом уже сам присматривался к народу.

– Вить, ты не заболел? Ты что, память совсем потерял? Может к врачу пойти, пусть посмотрит.

– Отвянь, Серж, все нормально, пройдет со временем.

На следующей перемене несколько человек стали шушукаться, поглядывая на меня, а ряд преподавателей подходил к нашему классу посмотреть на обновленную версию ученика «В. Калинин».

Затем прошли остальные пять уроков, где я сразил преподавов своими знаниями по литературе, географии и математике. Преподаватели были у нас очень даже хорошие, мне они понравились, математичка Алифанова Надежда Петровна, русичка Бабушкина Наталья Евгеньевна и другие. Они были доброжелательны и еще, как и многие советские преподаватели, пытались донести каждому ученику знания своего предмета. На литературе проболтал половину урока, обсуждая и споря с Бабушкиной по характеристикам героев Тихого Дона, чем очень обрадовал остальных учеников – не было опроса, все время на меня потратилось. По математике, точнее, геометрии я у доски решил архисложную для большинства нашего класса задачу на вычисление углов тетраэдра с помощью косинусов и синусов, а потом смеялись с ответов одноклассника.

– Так, кто тут у нас двоечник, кому исправлять оценку надо? – сказала вслух математичка, изучая классный журнал. –

Лапушко, давай выходи-ка ты к доске".

– Я ЛАпушко, Надежда Петровна.

– Извини, ЛАпушко, с чего начинаем решение задачи?

– Опускаем пердипендикуляр из вершины вниз.

– Что ты опускаешь вниз?

Класс тихо захихикал, несмотря на то, что уже привык к "перлам" Лапушко, парня, недавно переехавшего с родителями из деревни в город.

– Пердипендикуляр.

– О-о-ох, перпендикуляр, Сережа и не опускаешь, а производишь из вершины треугольника к его основанию. Вот, провели, что дальше делаем?

– Косинус берем и вычисляем длину гипотенузы.

– Не подсказывай Приходькина, слышал, Лапушко, бери косинус. О чем ты снова задумался?

– Да где косинус лежит, непонятно, Надежда Петровна.

– В условии задачи он лежит, оттуда и бери.

На географии Кова все время переговаривался и мешал учителю. Она сделала ему несколько замечаний, но он особо не реагировал, продолжая бухтеть дальше.

– Виталий! Ковачев, помолчи, я тебе сказала, если самому неинтересно, так хоть мне и другим ребятам не мешай.

– Счас, Марь Ивановна, договорю и помолчу.

«Кова, правда, мешаешь, потом договоришь», – влез я в их разговор.

– А тебе-то что? Как током стукнуло, так учиться стал что

ли? Сам на прошлой неделе вспомни, как себя вел – все время на тебя преподады кричали.

– Я перевоспитался. Короче, Кова, или ты заткнешься, или после уроков я тебе портрет поправлю!

– Калинин, Ковачев! Перестаньте ругаться, я вам подерусь после школы.

В итоге, и я, и Ковачев заткнулись, а после уроков мне стало не до него, да и он не рвался в бой. Как сказала о нем после уроков его бывшая одноклассница, перешедшая к нам вместе с ним: «Витя, правильно сделал, что ты Ковачева одернул. Он хоть и высокий стал, но как был подленьким мелким пакостником, так таким и остался».

– Спасибо, Наташ, за поддержку.

Последним уроком была физкультура. Вел ее учитель физкультуры Евгений Петрович Лагман – как оказалось, очень нормальный мужик. Мне было искренне жаль, когда в будущем, встретив учительницу из этой школы, я узнал о его смерти в начале девяностых в возрасте 44 лет.

Он тоже заметил мое преобразование, высказавшись о том, что я взялся за ум. Поскольку была хорошая погода, то он не стал нас грузить упражнениями, а выдал парням футбольный мяч, мы поделились на команды и стали играть в футбол. А девицы что-то творили по своей «вольной программе». После физкультуры мы присоединились к играющему после своих занятий в футбол очень спортивному и довольно дружному классу «А» и срубились класс на класс. Вот тут я

проявил свои прошлые способности, в результате чего в ответ на их голы в наши ворота, накидал штук семь ответных.

– Кент, ты в футбол классно играешь. Приходи в субботу на стадион, мы на первенство школ района играем, поможешь. Мы и не знали, что ты так играть умеешь.

– Приду.

А после школы возле дома ко мне подошли пара прибранных юношей примерно моего возраста.

– Кент, ты чего, постригся что ли?! Ты куда пропал, мы тебя вчера весь день искали. Надо пойти в Слободу и там настучать в дыню одному оборзевшему кенту.

– Мне это не надо, а кто вы такие?

– Ты чё, с дуба рухнул, корешей не узнаешь?

– Меня током ударило, потеря памяти, так что я домой топаю и ни в какую-то Слободу по дыням стучать не пойду.

Недалеко от нас была когда-то деревня Веселая Слобода, а теперь частный сектор городского района. Я пошел дальше, а парни в недоумении остались стоять: «Реально стукнутый. Ладно, Кекс, пошли по нашим делам, этот, похоже, уже отрезанный ломоть».

Глава 2. А жизнь-то налаживается

В общем, со школой все более-менее было понятно. И теперь передо мной стояла вторая важная задача, где брать деньги.

Грабежом заниматься я не хотел, брать кассы, хотя опыт был, тоже. Значит, надо идти и зарабатывать. А где можно заработать деньги здоровому лосю без специальности? Правильно, грузчиком на железке или какой-нибудь базе.

Сходил я на железнодорожную станцию и на строительную базу, принадлежащую городскому отделочному управлению № 7. В управлении состоялся примерно такой разговор.

– Товарищ директор, хотел бы подработать у вас грузчиком.

– Сколько лет?

– 16.

– Не надорвешься? Хотя ты парень крупный, здоровый.

– Здоровый. И мне еще надо тренироваться.

– Это зачем?

– Боксом занимаюсь, а тут серьезная физическая нагрузка ожидается.

– Ты знаешь, что можем приять на полставки, как несовершеннолетнего.

– Знаю, но могу работать и больше, сверхурочно – деньги

нужны.

– Ставка грузчика 140 рублей. Ты, «как молодой специалист», работающий четыре часа, будешь получать 70 рублей в месяц. Все понятно? Тогда иди, оформляйся.

А на станции «Орел – товарная» мне сказали, что лучше не оформляться, а приходиться к 21.00, найти старшего вечерней смены, договориться с ним, примкнуть к бригаде и разгружать вагоны. Оплата шла наличкой.

Поступать в престижный институт я не стремился, особенно учитывая то, что станет с выпускниками институтов через 7-8 лет, поэтому планировал немного иную судьбу для себя, а там уж как получится. Конечно, учебу я собирался подтянуть, чтобы стать хорошистом, но делать из себя отличника не хотел. А институт, конечно, нужен, всем работодателям требовались люди с формальным высшим образованием, поэтому, может быть, и окончу заочно, выбрав какой-нибудь попроще, так сказать «для особо одаренных». Были у меня и на семью, ставшую волей судьбы моей родной, планы, которые потихоньку стали созревать в моей голове.

В общем, в управление меня приняли на полставки, а на железку я ходил без оформления по вечерам разгружать вагоны, там была чистая сдельщина. Вагон стоил 100 рублей. Собиралась бригада из 3-4 человек – студентов или грузчиков и перетаскивали всевозможные ящики, коробки, тюки или мешки либо в грузовики, которые развозили продукцию по городским складам, либо на железнодорожные склады.

На хорошую, легкую и чистую продукцию ставили штатные бригады, а на всякую гадость, типа мешков с солью, цементом и так далее – пришлых варягов, то есть нас. Работать на открытом воздухе было холодно, сыро и противно, но я продолжал трудиться на благо своего кармана.

Я не отлынивал, потому что, если будешь сачковать, то остальные могут обделить при дележе денег, да и больше брать тебя в бригады не будут. Все вкалывали на износ – хотелось же побыстрее разгрузить вагон, а не торчать там всю ночь, ведь утром многим надо было идти на основную работу или учебу. А кто-то приходил именно под выходные, чтобы в воскресенье или в праздник отлежаться. Иногда приходилось разгружать полный вагон, и тогда мы еле шевелили руками и ногами, а частенько бывали полупустые вагоны, которые мы часа за четыре и оприходовали. Поэтому бывало, что под выходной и два вагона разгружали за смену. В общем, после каждой смены у меня появлялась наличность, в размере, как минимум 25 рублей за вагон, а то и больше. Правда, ходить каждый день на разгрузку, особенно поначалу, я не мог, потому что не хватало сил и все тело болело, пока не втянулся в режим таких тренировок.

А вот в управлении было по-другому. Я вначале кидался побыстрее закончить работу, чтобы отдохнуть перед вечерней сменой на станции, но там была своя фишка. Люди работали на «повременке» и оттого, что ты быстрее все перетащишь, никто тебе доплачивать не будет. К тому же там народ

сачковал, растягивая ее на смену, заодно пытаясь перевалить работу на молодого активиста. После двух-трех дней я понял, что ничего не выгадываю от того, что стараюсь быстрее завершить заданную мне работу, и просто за те же деньги на меня наваливают еще тяжестей, поэтому так же перестал спешить.

Привезли штабеля строительного леса, вагонку, брус, паркет. Прибежал главный инженер управления: «Так, мужики, паркет и вагонку грузите в склад номер четыре и побыстрее, оплата по отдельному тарифу, а половую доску, как обычно, в первый склад».

Шестеро старых, в смысле, давно работающих работяг, стали возиться с элитным материалом, а я и еще один доходяга из новеньких принялись таскать в склад доску. Таскали мы медленно, потому что, во-первых – она была тяжелая, а во-вторых – куда торопиться.

Ко мне подошел бригадир: «Парни, так дело не пойдет, вы тут до ночи решили таскать доску?!»

– Лично я буду таскать ее 4 часа, а потом иду домой или оформляй сверхурочные.

Глаза бригадира налились кровью: «Ты чего, сосунок, условия мне ставить будешь? Так вмиг вылетишь с этой работы. Я понятно тебе сказал?»

– Слышь, Остыпыч, ты сдуйся немного, а то лопнешь. Если я сегодня отсюда по твоей милости вылечу, то завтра ты на пожизненный больничный выйдешь. И отдельный тариф

без тебя ребята делить будут. Я понятно тебе сказал?»

– Ты чего, пацан, мне угрожаешь!

– А ты что, поругаешься или подпрыгнешь повыше в этом случае, чтобы меня испугать? В общем, я тебя предупредил, будешь мне гадости делать – я тебя под этим паркетом и закопаю.

Бригадир был мужик крепенький, бывалый и наглый, поэтому решил сразу проучить молодого. Все же грузчики – мужики физически довольно сильные. Он резко махнул кулаком, немного достав меня по челюсти. Но тут же получил в ответ по печени и резко согнулся, схватившись за бок.

– Остапыч, еще одна такая выходка и тебе придется менять город, если хочешь быть целым, я тебя здорового не отпущу.

– Больно-то как, чего ты хочешь, долю или что?

– Доля в деле – дело хорошее, но я тут пассажир временный, мне ваши тайны не нужны. Работать буду нормально, а ты с зарплатой не обижай, может быть, премию подкинешь или реально сверхурочные плати и все будет тип-топ. Договорились или мне увольняться?

– Договорились.

Мы доносили доски пошустрее вместе с четырьмя работягами, которые были направлены к нам в помощь. Отработал я шесть часов, как и в ряде следующих дней, но бригадир, согласно уговору, по концу месяца добавил мне почти половину сверхурочных часов, а бухгалтерия выплатила по-

лагающую зарплату.

«Остапыч, может, проучим пацана, зажмем его и наkostenяем, чтобы не выделялся?» – к бригадиру подошел угрюмый мощный грузчик под сорок лет по имени Петр.

– Знаешь, Петя, бьет он сильно, да еще обещал меня инвалидом сделать, если я буду мешать ему подрабатывать. А парень и, правда, работает по-честному, в наши дела не суется. Пусть трудится и дальше, тянет на себе нашу работу. Так что не трогай его, а то он и тебя отправит полежать в досках.

– Работает он честно, согласен, а ты думаешь, что он от-делает нас?

– У меня чуйка, что справится с нами, даже уверен в этом. Чувствуется, что умеет драться, а бьет так жестко, что я чуть не помер, когда он мне в печень засадил. Веришь, я после его удара, как дышать надо забыл, пока не оклемался.

Дома мать была встревожена. После того, как я несколько ночей за полночь еле приползал домой, она пристала к отцу.

– Петя, поговори с сыном, чем он там занимается, я у него деньги в столе нашла.

– Много?

– 75 рублей, откуда у него пол моей зарплаты в за-гашнике?

– Да, непонятно, но уже поздно воспитывать. Попадется, дурак, пусть сам расхлебывает.

– Отец ты или нет, поговори с сыном!

– Люся, поздно уже говорить, правда, он сильно изменился, я не узнаю его, но поздно. Да и как ты себе это представ-

ляешь? Начну угрожать наказанием, так он меня самого в бараний рог скрутит. А мои слова, они ему, как о стенку горохом.

– Ты же не был таким, сам опустился и сын непонятно чем стал заниматься. Я уж с того воскресенья аж обрадовалась, что сын так сильно изменился, надежда на счастье появилась, а теперь не пойму, что с ним. Еще и на бокс ходит. Объясни мне, для чего он учится драться?

– Чтобы от хулиганов отбиваться.

Тут я прискакал с управы и побежал на кухню подкрепиться.

«Витя, куда ты на ночь глядя?»

– На вокзал!

– Витя, ты что, пассажиров трясешь? Посадят же тебя, только за ум взялся, учебу подтянул и на тебе!

– Каких пассажиров! Я грузчиком работаю на железке и в стройуправлении. На железке за разгруженный вагон сразу дают 25 рублей, а в конторе – по концу месяца и аванс обещают.

– Ой, Витя, а я уж все передумала, откуда у тебя деньги. Я протирала твой стол, заглянула в ящик и случайно нашла их.

«Я видел, что деньги кто-то трогал. Спасибо, мам, но я сейчас свою комнату сам убираю, ты же видишь. Но спасибо, а деньги нам на дело семейное нужны», – мне была приятна ее забота и внимание ко мне, поэтому вместо привычного обращения «мать» я назвал ее мамой.

Даже отец как-то стал иначе ко мне относиться, узнав, что я заколачиваю деньги горбом. Но пить меньше не стал. Радовало хоть то, что он был тихим выпивающим, а не буйным, то есть напьется и ложиться спать, а не учиняет разборки.

А жизнь шла своим чередом. Я также учился в школе, правда, видок у меня был еще тот – осунувшийся, не выспавшийся и какой-то замученный. Ну, а как иначе, если ломило все тело, и приходилось постоянно напрягать себя, превозмогать эту усталость организма, чтобы просто встать со стула. Конечно, я знал, что это со временем пройдет, организм вытянется и все станет в норме. Несмотря на усталость, внешне я также старался чисто одеваться, быть в наглаженной рубашке и школьных брюках, постриженный и причесанный.

Сыграл я и за школу в субботнем матче.

– Калинин, говорят, ты голов много забил в школьной игре?

– Да.

– Будешь играть крайнего нападающего, все парни, давайте, обыграйте их, правда, они лидеры, но постарайтесь!

Сказав речь, Лагман сел на трибуну рядом с другими учителями физкультуры и стал смотреть матч.

У меня поначалу все тело болело, и я еле ползал по полю на своем краю. Но потихоньку мышцы разогрелись и во втором тайме я свое дело нападающего сделал.

Игра была примерно равной с нулевым счетом, хотя соперник давил и после навеса их центральный нападающий

вколотил-таки нам гол. Менять меня было просто некем, поэтому я также вышел на второй тайм. Вот тут я и отработал выданные мне авансы, вспомнив прошлые жизни с футбольными умениями. В результате я, засадив три безответных гола в ворота 15-й школы, сделал хет-трик с игры, и мы выиграли у лидера 3-1.

«Витек, в следующую субботу снова игра, ждем тебя!» – пожимали мне руку ребята и Лагман.

– Буду, ребята.

Три раза в неделю я ходил на бокс. Нужно было бы каждый день, но я из-за железной дороги просто не успевал, да и не мог физически – организму требовался отдых. А тренировки в секции по сравнению с вагоном были отдыхом.

«Виктор, почему ты какой-то выжатый приходишь, дышалка почти не улучшается. Правда, ты ее компенсируешь грамотным распределением сил на ринге, побегал – постоял. Сдается мне, что ты так и не бегаешь каждый день?»

– Игорь Петрович, не бегаю, потому что вагоны разгружаю – деньги нужны, поэтому пока, малость, замучен, но тренировка на выносливость и силу там хорошая.

– Эх, с твоими данными да пониманием бокса надо золото первенства Союза брать, а ты тратишь время на вагоны. Больше надо именно боксом заниматься.

– Буду Петрович. Вот в ритм войду, тогда и боксу больше времени уделять буду, а пока просто нет сил на все. Сам понимаю, что бокс – это мой шанс выбиться в люди.

– Давай отрабатывай удар, бьешь ты хорошо, но еще нет автоматизма нанесения удара с использованием корпуса, только плечом бьешь, хотя ты и плечом удар хорошо разгоняешь. Еще отрабатывай подскок с ударом, с твоей силой акцентированный удар хорошо получится.

Петрович в прошлом и сам был неплохим боксером легких весов, и оказался очень грамотным тренером. Он видел всё, что хорошо получалось, что надо было дорабатывать, а что делать «коронкой» именно этого боксера. Анализируя бой, здорово раскладывал по полочкам действия соперника и давал рекомендации, как с ним лучше бороться.

Под его присмотром я работал с грушей, отрабатывая несколько видов ударов на силу, на нокаут. На ринге работал джебами по перчаткам в голову. Рассеивал внимание, закрывая обзор сопернику нанесением нескольких тычков и сильного удара в перчатки, а когда соперник автоматически приподнимал руки, чтобы лучше закрыться и сориентироваться, то бил в приоткрытый корпус. Также делал наоборот, работая по корпусу, заставляя соперника опустить перчатки и локти, а дальше с апперкотом или хуками ввязывался в ближний бой, или наносил прямые удары вразрез перчаток соперника со средней дистанции. В общем, действовал по ситуации, слушая советы Петровича, вспоминая свои тренировки, когда сам готовил своих чемпионов к боям и снова сильно бил по груше, отрабатывая троечки и двоечки. А в ринге не зверствовал, боксируя больше на скорость, бил по

спарринг-партнерам легкими серийными ударами.

Как-то вечером, проходя с тренировки по площади, в которую упиралась наша улица, я увидел Иру с Лапой, стоящих возле кафе. Их окружило трое взрослых парней, которые явно теснили Лапина от Ирины. Я кивнул им и пошел дальше, а затем приостановился. Можно было пойти домой, а можно было подойти к ним. Я подошел.

«Здорова, Колян, мужики, Ирин, – и дальше, обратившись к Коляну, спросил – вы с Ирой в кафе или уходите?»

Коля ничего не успел ответить, когда вмешался один из парней.

– Слышь, пацан, тебя сюда звали? Шел и иди дальше!

«А ты кто?» – обратился я к нему.

– Конь в пальто, вали, давай.

– Слышишь ты, конь, видишь, что парень с девушкой вместе, чего ты лезешь!

«Наезжая» на этого парня, я прикидывал, что пока я с двумя буду разбираться, Лапа возьмет на себя одного, так что мне все проще будет. Но я бы и против троих вышел. А что! Умения прошлых лет при мне, нынешнее тело у меня молодое и физически очень даже здоровое, хоть и уставшее, но адреналин все болевые усталости погасит. Поэтому в том, что я им накостыляю, был вполне уверен. Если уж они слишком резкие окажутся и начнут меня зажимать, то буду бить так, чтобы травмировать этих хамов – самому-то жить здоровым хочется.

Ребята тоже видели, что расклад стал иным и драться с двумя, причем вновь подошедший был довольно крупный и наглый экземпляр, совсем «не айс».

– Это моя девушка.

«Мы с тобой давно расстались, Вова!» – ответила Ирина.

Я представил себе девятиклассницу, которая «давно рассталась» – это что, они в детском саду встречались что ли, но комментировать не стал.

«Ладно, мужики, жизнь идет, все меняется, стоит ли разборки затевать, – выдал я, – Вов, ты же сам понимаешь, что некрасиво так вот с парой вести себя, парня опускать. Проехали мужики, без обид?»

«Ладно, проехали», – ответил Вован и троица растаяла в темноте улицы.

«Спасибо, Вить», – пожал мне руку Коля.

«Все нормально, может, когда-нибудь и ты мне поможешь. Ладно, коллектив, покеда», – попрощался я и так же ушел в сторону своего дома, растворившись в темноте ночи.

Через пару дней после занятий я направился домой, но в вестибюле меня перехватила Ирина.

– Вить, ты сегодня занят?

– В общем, да, а что ты хотела?

– Вить, у тебя кто-то есть?

– В смысле, девушка что ли? Нету, Ир, я пока сам по себе.

– Может, пойдём, поболтаем после школы?

– Давай поболтаем, провожу тебя домой. Просто я знаю,

что ты встречаешься с Лапой, вот и не лезу. Да и некогда мне сейчас встречаться, сил и времени нет совсем.

– Понимаешь, я тут совсем одна в этой школе, вот и стала встречаться с Колей. А что такое, может помочь чем?

– Вот завтра и поболтаем, если тебе это будет интересно, помощь пока не требуется, а там видно будет.

Мы расстались, а я подумал: «Если гора не идет к Магомету, значит, Магомет пойдет к горе», то есть Ирка подождала, подождала, видит, что я не шевелюсь, и решила проявить инициативу.

Хотя, насколько я уточнил у Хренова, поначалу она на меня особо внимания не обращала. Да ни на кого не обращала, сама по себе была. А вот мое преображение и для нее стало сюрпризом, и заинтриговало девушку.

Глава 3. Ремонт и художники

Незаметно прошел месяц. В школе были сданы четвертные контрольные работы и сочинение. В сочинении я решил не выделяться, давая оценку литературным героям на основании жизненного опыта, а написал его в духе школьного учебника. Через все сочинение «красной нитью» прошли мысли об исканиях и терзаниях главного героя и, как его психологическое состояние, мысли и дела поразили в самое сердце не только всех его современников, но и повлияли лично на меня и на жизнь страны в целом. Сколько лет прошло, а до сих пор помню требования преподавателей литературы и русского языка о том, чтобы в сочинении обязательно была «красная нить» основной идеи сочинения.

В общем, проводил я Ирину домой. Гуляя, я рассказывал ей о своей новой жизни. Сказав, что у меня сейчас просто нет времени, чтобы развлекать ее часто, потому что я работаю.

– Очень жаль, что ты так занят.

«Да пока, к сожалению, так, и тебе будет скучно со мной. Я все время занят и усталый» – ответил я, подведя ее к дому в частном секторе, который, переехав сюда, купили ее родители.

– Мне скучно не было, ты другой, чем Коля. Давай, хоть, чай попьем, родители должны быть на работе.

– Давай попьем. Надо было бы что-нибудь к нему купить.

– Ничего, Вить, я вчера пирог пекла, хм, с мамой, так что будет, с чем попить.

– Пирог, цэ гарно дило!

В общем, зайдя в дом и убедившись, что там никого кроме нас нет, я просто обнял девушку и поцеловал. Целовались мы долго и в засос, а потом оказалось, что она далеко не девушка, поэтому потянула меня в свою спальню.

Тут уж я вспомнил свой опыт любовных игр и самого секса, чтобы было приятно в первую очередь девушке. Пусть она получит побольше удовольствия, а мужчина итак в конце свой кайф поймает. Так что проявил я себя с самой лучшей стороны. Ну, еще и пришлось позаботиться о том, чтобы не заиметь беременную одноклассницу, хотя она сама же как-то предохранялась, может быть, спираль поставила?

– Ты замечательный, все так здорово, у меня никогда так не было ни с кем. Ты меня любишь?

– Естественно, а сейчас давай все же оденемся и попьем чаю с пирогом

– У меня никого кроме тебя нет, я даже с Лапой не занималась любовью, мы просто встречались.

– Вот и отлично, можешь и дальше встречаться с Лапой, но желательно без секса, этим делом я лично буду с тобой заниматься. А попозже стану свободнее и можно будет официально стать твоим парнем. И еще, любовью не занимаются, а просто любят.

Так мы стали пока тайно встречаться с Ириной.

На рабочем и спортивном поприще за этот месяц все оставалось без изменений. Петрович дела не форсировал, возможно, он сам не знал, как я буду заниматься дальше, стоит ли меня тянуть или я после школы брошу бокс. Хотя периодически напоминал, что на каникулах будут проводиться городские соревнования, и он хотел бы меня выставить по юношам от спортшколы в весе полутяжа.

Первоначально я хотел на каникулах махнуть в Ростов-на-Дону и разобраться со своими родственниками, и думать, как перебраться туда. Но, живя в новой семье, видя внимания ко мне новой мамы, наличие работы и перспектив, пришлось старые планы скорректировать. Как говорится, Бога я в первый раз насмешил, то есть планы моего первого дня в этом времени, полетели в тартарары.

Первое, чем я хотел отблагодарить своих новых родителей, это сделать им нормальный ремонт и заменить часть мебели. Ведь, если ты живешь в свинарнике, то и сам постепенно превращаешься в... Одним словом, пропадает желание что-либо делать вообще. Правда, нормальный ремонт сделать было невозможно из-за отсутствия в свободной продаже красивой плитки, обоев, паркета, мебельных стенок, кухонных и спальных гарнитуров и так далее. Поэтому я вспомнил креативные, как будут говорить в будущем, решения по отделке стен в виде написания на них картин. Вместо убогого коричневого линолеума в коридоре, как и в остальных комнатах, я хотел перестелить старые крашенные доски на но-

вые светлые, просто залакированные или обработанные морилкой для придания темного цвета и также сверху покрытые лаком. Краску масляную и акриловую эмаль, как и различные лаки, свободно продавали в строительных магазинах, половую шпунтованную доску тоже можно было найти, хотя, в крайнем случае, я ее мог выписать и у себя на складе. Поскольку готовых штукатурных смесей, как и шпаклевок типа «Кубань Кнауф», в свободной продаже тех лет я не видел, может быть, какие-то смеси в то время и были, но в Орле в магазинах я таких не нашел, то для подготовки стен под написание картин нужен был песок, цемент, алебастр и молоко, чтобы сделать шпаклевку. Может быть, профессиональные мастера еще что-то добавляли, но я этого не знал, а интернета не было.

– Хм, нет интернета, но есть же книжный магазин.

Вот в одном из таких магазинов я нашел и приобрел «Справочник строителя», ознакомившись с нужными разделами и пролистав его полностью, вдруг еще что пригодится и новая идея появится, я стал готовиться к ремонту.

На перемене я подошел к парню из соседнего класса, который занимался в художественной студии рисования и живописи у преподавателя Ольги Васильевны Пятаевой, работающей также учителем рисования в нашей школе. Нависая над тщедушным телом будущего художника, я притянул его к себе, взяв за пуговицу школьного пиджака, и строго спросил: «Пушкин!»

– Я Пышкин.

– Это неважно, слушай сюда, Шишкин, я слышал, что ты в изостудию ходишь, пейзажи малевать умеешь?

– Я Пышкин, умею.

«Ты чего, русских классиков не уважаешь?» – я притянул его за пиджак еще ближе и совсем навис над ним.

– Уважаю, Кент, что ты, просто у меня другая фамилия.

– Ладно, Артем, пошутили, а теперь к делу. Я хотел бы пригласить тебя поработать дизайнером интерьеров.

Глаза парня загорелись: «А что такое дизайнер, оформитель что ли?»

– По-русски говоря – да. Артем, естественно всякий труд должен быть оплачен, поэтому получишь деньги за работу.

– А что надо сделать?

– На бумаге сделать эскиз и прикинуть, как будут выглядеть стены квартиры, а потом расписать их по твоим эскизам.

– Я никогда такого не делал.

– Ничего, все бывает в первый раз. Завтра идем в наш музей, поглядим, какие там есть пейзажи, может быть в книгах о художниках что-нибудь будет подходящее, а нет, так я расскажу, что хочу, а ты изобразишь.

– Хорошо, Вить.

В общем, деньги на ремонт у меня были, я отработал 10 смен на железке и месяц на складе управления, поэтому под 400 рублей накопил.

Следующий этап моего плана было привлечение родителей, ибо задолбал меня вечно пьяный отец – философ, да и мать надо было чем-то увлечь и взбодрить.

В субботу вечером перед ужином я спрятал бутылку водки в шкаф с привычного для папани места в холодильнике и стал ждать коллектив. Мать приготовила обычный ужин, который сегодня нам послал Бог в виде селедочки «Иваси» из металлической банки и вареной картошечки, да с квашеной капусткой, приправленной «подсолнечным маслом холодного отжима с последующей обжаркой» с колхозного рынка, то есть очень классно пахнущим и не горьким. Да уж, водочка тут бы и мне не помешала – все было таким аппетитным.

– Товарищи родители, у меня к вам серьезный разговор.

– А где бутылка?

– Я забрал, после разговора выпьем вместе.

– Витя, что за дела, такая закуска, а ты с разговорами лезешь.

– Папа, вначале разговор, потом дело, а потом и водка.

– Вот воспитал на свою голову, ладно, бухти давай, что ты там задумал, а то всю неделю ходишь загадочным.

– Мы семья, люди, а живем, извиняюсь, как свиньи. Я подзаработал денег, думаю, что хватит на мои задумки. Ремонт буду делать я сам, но мне потребуется ваша помощь. Папа, ты должен будешь мне изготовить на своем заводе из нержавейки маячки для штукатурки стен, отвесы, специальные приспособы для укладки плитки, типа крестиков, шпа-

тель с зубьями примерно 6*6 мм высоты для нанесения плиточной клеевой основы. Потом еще потребуется кое-что по мелочи типа уголков, крепежа, ручек, в общем, фурнитуры для мебели и так далее, но это чуть позже. По мере выполнения работ определим, что и какие размеры нужны. Планирую чуть позже и мебель обновить, если новую не купим, то сами и сделаем. С тобой еще посоветуемся, как лучше сделать мебель. Все это с размерами я дам завтра, чтобы ты выточил у себя на заводе. Теперь, мама, твоя задача – это выбрать материал в магазинах или достать, где можно, если что, то и переплатим сверху. Главное, чтобы он был красивый, и будем ваять из него шторы, которые мы сделаем по моим рисункам. Может быть, драпировку на часть стены прищандолим, так как ковров у нас нет, и если она в дизайн-проект войдет, но об этом мы еще подумаем.

Это дело мы обмыли бутылочкой водки на троих, а воскресенье был посвящен рассказу о моих задумках, постановке задач по приобретению строительных и сопутствующих материалов и просьбе подумать, может еще что полезное и интересное кому придет в голову. В общем, лед тронулся, господа присяжные заседатели, как сказал известный персонаж известной книги, то есть родители увидели общее дело, которое нас должно было по моей задумке сплотить и с энтузиазмом взялись за него. Я думал, что по мере выполнения работ и получения результата, энтузиазм всех нас должен возрасти.

Я же затаривался в магазинах стройматериалов тем, что мне могло пригодиться при ремонте: цемент, гипс, грунтовка, мастерки, гладилки, уровень, тазики и емкости, удалось купить тачку, чтобы как-то привозить мешки с цементом домой, заказал я и машину песка у шоферов. Его еще сеять надо было, тоже пришлось брать сетку со старой кровати.

Поскольку стены ванной были окрашены краской, надо было либо нарезать болгаркой или дрелью с диском насечки на стене, либо прибивать мелкоячеистую сетку-рабицу, а для этого надо было где-то найти эту самую рабицу, крепеж с чопами и дрель. Это в 90-х можно будет спокойно все купить в магазине, а в 1984 году задача была не простая для обычного гражданина. Дрель и сверла по бетону у знакомого нашел батя, в магазине купили и рабицу, и крепеж. Также я купил обычную белую плитку для санузла, а на складе управления удалось достать красивую узкую перламутро-черную плитку, которая пойдет, как декоративная вставка, и ручной плиткорез.

Для заделки швов я не стал покупать половую шпаклевку, а сделал свою из столярного клея, антисептика и мелких опилок, которые достал на городской деревообрабатывающей фабрике. Эх, не хватало мне лазерных маячков для проверки ровности стен, пришлось все вымерять рулеткой и натягивать нитки. Я конечно не великий строитель, но кое-что мог.

Планировал я обновить и часть мебели, сделав ее напо-

добие «Икеевской» и китайских вариантов разных бытовых удобств по типу раскрывающихся или раскладывающихся полок для обуви, вешалок, в общем, сделать «дешево и сердито». Никаких великих шедевров мебельного производства я создавать не собирался – не было у меня ни хорошего материала, ни инструментов, ни комплектующих для отделки углов, спилов, и главное, профессиональных навыков. Проблема была еще и со стеклом, его надо было достать и порезать. Резать его я не умел, так что надо будет обращаться к резчикам. Пилить я собирался не обычной садовой ножовкой, а так называемой копировальной пилой с устанавливаемым на винтах тонким полотном по дереву, имеющим очень маленькие зубчики. Спил получался аккуратнее, чем от обычной садовой пилы, но возни предполагалось, культурно говоря, много.

Мы прошлись с Пышкиным по музею, где подобрали пару пейзажей. Оказалось, что Димка Савин занимается фотографией, поэтому привлекли и его. Он сфотографировал нам несколько картин в этом музее, и натуральных пейзажей за городом на реке Орлик. Плохо было то, что листва начала опадать и уже отсутствовало сентябрьское буйство красок.

– Мужики, а для чего это надо?

– Ремонт будет в квартире, так что сделаешь цветные фотографии, а мы выберем, что можно из них воплотить в реальность. За работу и фотоматериалы я оплачу.

– Чего серьезно, а можно посмотреть будет?

– Даже поучаствовать.

«Витя, – обратился ко мне Пышкин, – а можно я еще привлеку художников, думаю, что больше народу, идей больше, лучше получится.

– Привлекай.

Как оказалось, Пышкин привлек учащуюся в нашей школе Владу Каменеву и Таню Красину, чья бабушка работала в библиотеке. Эти девушки также занимались в изобразительной студии в городском дворце пионеров.

«Пышкин, ты художниц или натурщиц для своих творений пригласил? – заметил я, когда увидел девушек. – Хотя я буду рад, если вы, девчонки, попозируете Пышкину, а он изобразит вас на стене в моей спальне во всей обнаженной красе.

– Не-е-ет, Вить, мы рисовать будем.

В общем, я посвятил девушек в свои планы, а заодно рассказал, что наш обшарпанный подъезд до моей квартиры тоже можно облагородить каким-нибудь пейзажем, разрисовав стены и бетонные подступёнки лестниц в единой художественной композиции.

– Ну, ты и голова, Витек, такое придумать.

– Краска и подготовка стен за мной.

Естественно подъезд я ремонтировать не собирался, мог лишь подправить кое-где штукатурку, а так пусть художники краской все замазывают, то есть пишут свои картинные шедевры.

Я предупредил на станции, что недели две не буду ходить на работу, а вот в управлении я был оформлен, поэтому пришло.

– Витя, ты чего нас подводишь!

– Ремонт дома затеял, думаю, что за пару недель сварганю.

– Ладно, если что обращайся, подсобим.

– Спасибо, мужики.

В общем, я серьезно готовился. В последний день перед каникулами в школу зашел Петюнин.

– Витя, послезавтра начинаются городские соревнования, я тебя заявил в полутяжелом весе, так что обязательно приходи.

«Вот не вовремя он со своими соревнованиями, но что же, его нельзя подводить, придется идти, – подумал я, – так вот и гибнет на корню трудовой энтузиазм с этими «отвлечениями»».

После школы я с Лапой провожали Иру домой вместе.

– Витя, чего на каникулах делать будешь?

– Ремонт затеял, хочу немного его необычным сделать, так что когда сделаю, приходите в гости.

«Да я и помочь могу, если что там тяжелое потаскать, так-то я особо ничего не умею, но физически помочь смогу», – сказал Коля, который после того случая как-то снова со мной стал дружить.

– Приходи. Поначалу разобрать надо все, вот тут твоя помощь очень даже пригодится.

«И я приду, помогу по женским работам», – сказала Ирина.

– Ириш, буду рад.

Тем временем наступили весенние каникулы. Так вот и получилось, что мне стали помогать мои одноклассники. Художники, совещаясь со мной, за неделю сваяли эскизы пейзажей, которые будут наноситься на стены, все это мы обсуждали у нас всем трудовым коллективом, включая моих родителей. А затем закипела работа.

Мы быстро вынесли мебель из моей комнаты и коридора в зал и кухню, затем сломали деревянный пол в коридоре и моей комнате, ободрали обои и подготовили комнаты к отделке. Я шпаклевал стены и делал стяжку на полы, одну стену перештукатурил, а затем, с помощью сделанной на заводе отцом пресс-формы, нанес на нее рисунок под кирпич, а Коля и Дима работали подсобниками, замешивая раствор и поднося его мне. Девочки прибирались, готовили еду на нашу ораву. Правда, после их первой пробной попытки приготовления обеда, я иногда подсказывал, что лучше сделать, ибо девушки пока не очень умели вкусно готовить, а делали, как в анекдоте: «Милый, это мой первый пирог, как он тебе? Милый, ну что ты молчишь? Ой, ты вообще жив, ответь хоть что-нибудь!»

Иногда после своей работы помогали отец и мать. Попутно я прокинул новую проводку для дополнительных светильников, выключателей и розеток. Дело спорилось. После под-

готовки стен и застывания половой стяжки, приступили к работе мои новоиспеченные оформители. Коридор был выполнен в светлых тонах с перспективой далекого моря, а моя спальня была разрисована под старинный замок. Никого гипсокартона не было и в помине, поэтому папа сделал на заводе каркас из нержавеющей стали для закрепления на потолке, а на него я уже лепил из ДВП небольшие карнизы, монтируя в них светильники, какие смог купить в магазине. Мама пошла сложные шторы из нескольких декоративных элементов, и повесили новые тюлевые занавески. Теперь надо бы новую мебель купить или хотя бы смастерить. Поэтому в конце недели поехали покупать с родителями готовую мебель. Выбор был очень небогат, но все же, были куплены секретер в зал, два одинаковых шкафа, мне и родителям. А в коридоре я думал позже сделать шкаф-купе уже сам.

Ребята приходили ко мне почти каждый день, воотчую наблюдая происходящие изменения. Свою комнату я отделал полностью, все люстры, шторы и декоративные прибаамбасы на стены, типа пары репродукций Айвазовского и полочек для книг, повесили и перетасили туда мебель из зала. А дальше я доделывал зал, кухню и санузел. В итоге, художниками на кухне стена была разрисована в стиле вкусного натюрморта на сервированном столе, а в зале основная стена, где мог бы висеть ковер, которого у нас не было, оформлена в стиле вида из окна на южное море и пальмы.

Постарались ребята на славу, работая, как настоящие ху-

дожники, подбирая широкую цветовую гамму для картин, смешивая краски из строительных банок, чтобы получить естественные цвета. Если не было дождя, то половые доски и доски для тумбочек и полок мы красили морилкой на улице, чтобы не так задыхаться от ее запаха. Я бы и лаком на улице вскрывал, но написано было окрашивать пол начисто после монтажных и шпаклевочных работ, вот и окрашивал уже готовый пол. Коллектив здорово помогал мне, взяв черновую работу на себя, поэтому дело было сделано гораздо быстрее, чем я планировал. Мы уже обсуждали наши планы на хотя бы частичный ремонт в домах или квартирах друг у друга. Ну, а что, помогли мне, помогу и я.

– Ребята, давайте дальше разукрасим еще подъезд, а потом, может быть, внешнюю боковину дома разрисуем городским пейзажем, будет первое уличное граффити – настоящая реклама наших трудов. Кстати, дальше и заказы могут пойти на такие отделочные работы за неплохие деньги.

– А что, можно попробовать.

– Ну, а попутно и каждому из вас дома что-то сделаем.

Когда мы закончили ремонт, включили проведенную подсветку, народ смотрел на квартиру, очень непривычно отделанную для того времени, а мой папаня выдал: «Обалдеть!»

Конечно, это было непрофессионально по сравнению с отделкой богатых домов мастерами 2000-х годов, но по нынешней нашей жизни и уровню зарплат это было настоящим ноу-хау и смотрелось очень симпатично и оригинально.

– Витя, мы с родителями придем, покажем, чем мы тут занимались две недели.

«Конечно девочки, приглашаем всех вас на «новоселье» с родителями», – ответила за меня мама.

Всему коллективу я выдал по 50 рублей за работу, и в итоге у меня не осталось ничего: часть была потрачена на материалы, часть на зарплату. Мебель покупали за зарплату родителей, отец даже пить перестал в этот период и отдал почти всю зарплату на покупку обновок.

Правда, нам еще надо было сделать недостающую мебель, которую не нашли в магазине, но это я уже буду делать с отцом. А ребята, кроме зарплаты, получили первые навыки строительно-отделочных работ, потому что в процессе помогали мне во всех работах.

Я так же ходил на работу в отделочное управление, где получалось прикупить какие-либо стройматериалы, которые требовались мне в процессе работ. А, кроме того, два дня у меня пропали, так как я ездил на городские соревнования. Петрович, как и обещал, включил меня в команду спортшколы.

Хренов ныл: «Витька, тебе хорошо, ты в сборную клуба попал, а у меня горло и насморк, какой из меня боец!»

– Да, досадно, что так не вовремя приболел. Вот же ты – имудон пить надо.

– Чего ты обзываешься, тут итак все паршиво, а что пить-то?

– Серега, имудон – это иммуностимулятор, как раз помогает при простудах, а пить надо водку, ну, а если ты «благородная морда», то коньяк. Вообще, в твоём случае, все же целесообразнее не пить таблетки, а поколоть в пятую точку антибиотики. Через нее они быстрее дойдут, куда надо, и желудок с кишечником меньше травить будут, ну и полоскания носа и горла, а заодно пей горячеватой жидкости побольше, типа чай с лимоном и малиновым вареньем, разводи горячее молоко с содой, маслом и медом и почаще его «бухай», хрена побольше ешь..

За неделю Хренов сбил свою простуду и в соревнованиях все же принял участие. По регламенту соревнований на пути к финалу в своем весе я дрался с четырьмя боксерами. Долго мне было боксировать не «с руки», потому что дыхалка у меня была еще слабая, мог «сдохнуть» к третьему раунду, не выдержав нужного темпа, а стоячий на месте боксер – это хороша мишень для битья. Из-за этого я старался закончить поединки в первом раунде, то есть нокаутом.

«Ты смотри, какой жесткий боксер у Петюнина появился, специально идет на нокаут, не жалеет парней», – обсуждали в кулуарах и на трибунах дворца спорта мои выступления болельщики бокса и специалисты. Но такой бокс всем нравился, когда боксеры часто обмениваются сериями ударов, а затем кто-то из соперников валится с ног.

– Да я видел его на тренировках, когда заходил к Петровичу, ничего особенного, а тут на тебе – чистый нокаутер,

три боя, три нокаута в первом раунде.

На финал по боксу я пригласил ребят и девчат, которые сидели в зале и болели за меня. Диктор объявил по залу следующую пару боксеров.

– Финальный матч в полутяжелом весе на первенство города. В правом углу ринга в черных трусах боксер полутяжелого веса Виктор Калинин, в левом углу в белых трусах мастер спорта по боксу, чемпион области Макеев Андрей.

В финале пришлось повозиться с противником, который был достаточно сильным и подвижным. Поначалу он попытался доминировать на ринге, но получив пару жестких ударов, ушел в позиционную оборону. Никак не хотел он подставлять свою голову под удар, либо блокируя мои удары перчатками, либо уходя от них. Но опыт 100-летнего человека против 17-летнего перспективного боксера свое сказал. Я зажал его в углу и «расстрелял» хуками и прямыми по челюсти. Парень опустил на канвас и на счет 10 подняться не смог.

– Победу нокаутом одержал представитель ДЮСША № 2 Калинин Виктор.

Так после месяца тренировок я стал боксером перворазрядником. Мне стали уважительно пожимать руку и взрослые ребята-боксеры.

– Ну, Витя, молодец, хорошее начало. Теперь надо взять область и на Союз выходить.

– Возьмем Петрович, выйдем.

В общем, на спортивном поприще у меня был явный прогресс, сразу получил звание с нуля и тренер стал ставить меня против взрослых ветеранов клуба. Сам я не пытался в ходе тренировочного боя никого нокаутировать, придерживая свои умения для официальных соревнований, стараясь лишь поменьше подставляться под их удары. Но парни были крепкие, довольно грамотные, так что мне приходилось попотеть, и часто в спаррингах получал болезненные плюхи во втором и, особенно, третьем раунде. Хотя старшие парни тоже особо не зверствовали на ринге, боксируя сильно, но не «любой ценой». Единственно, что меня очень хотел положить на пол ринга мастер спорта из ветеранов клуба 25-летний Леня Лепендин. Вот с ним мы бились принципиально на победу. Ну, ничего, после боя смеялись, обсуждая промахи и удачные комбинации.

Но больше всего меня радовало, что у нас сложился неплохой молодой трудовой коллектив из нескольких девчонок и пацанов и, главное, что увлекшись планами модернизации квартиры, батя перестал пить. На полученную зарплату мы купили материала и мама сшила нам и себе новые брюки, блузки и так далее. Оказалось, что мать работала швеей на швейной фабрике, так что шить умела.

А отец вытачивал на заводе из металла фурнитуру, направляющие и крепежные элементы для будущего шкафа-купе, что-то добывал в прессовочном цехе, кстати, там он добыл для меня и маячки для штукатурки стен.

Ребята тем временем оформили стены подъезда, а краску, кисти и расходные материалы покупал я.

Жильцы дома с интересом наблюдали за новыми веяниями, которые молодые отделочники замутили у них в подъезде, периодически бурча, что мы мешаем им ходить, разведя несусветную грязь. Однако, когда был нанесен последний мазок, помыты полы и убраны все «козлы» и лестницы, вид подъезда стал просто шедевральным. Такого оформления подъезда нигде в СССР не было. По ступеням стекала горная речка, а на стенах был типичный Карельский пейзаж: камни, деревья, солнечное небо с редкими облаками. Мне пришлось прокинуть дополнительный кабель и установить светильник на нашей лестничной площадке, чтобы люди могли увидеть все при свете.

В результате разнесшихся слухов, у меня в гостях побывала и наша классная руководитель, Зоя Сергеевна, и некоторые педагоги школы, и родители детей, и сами одноклассники и просто знакомые.

– Да, если это Калинин придумал, то может быть всех наших троечников в розетку заставить пальцы сунуть? Поражительные изменения с парнем произошли.

– Ну, Кент, дает, такое замутил! А Пышка и девчонки вообще красавы – все так классно нарисовали.

Вот такие разговоры были среди ребят и взрослых, кто видел новый подъезд.

«Ну что, славяне, давайте и торцовую стену дома разри-

суем по теплу, а то сейчас еще холодно и дождливо», – обратился я к ребятам.

«А что, можно и сейчас начать, тут главное материал достать», – ответил Пышкин.

– Нет денег пока, буду зарабатывать, недельку, потом можно будет продолжить, а вы пока сюжет придумывайте.

В общем, через неделю, я купил краски, поставили с ребятами многоярусные козлы. Вот тут нам и Хренов, и Дегтярев помогали, и отец, и мужики из дома, а к художникам добавились еще три сестры из нашего дома – девушки Лена, Ира и Оля Тимаковы, все примерно моего возраста, бывшие школьницы, а сейчас учащиеся техникумов и института.

Работы начались. Решили изобразить старинные дома и переулок, с уходящей вдаль перспективой. Я такое видел в Выборге в 2000-х годах, и мне очень понравилось. Там эти художества издавна вообще можно было принять за настоящую старинную улицу с фонарями и двухэтажными домами в стиле готической архитектуры северной Европы. За неделю это было закончено и к дому стали заглядывать горожане даже с центра город, поглядеть на это чудо света, а мы еще подумывали, да и разукрасили другой торец дома морским пейзажем.

В школе тоже началась суета, и нас выдвинули для участия в городской конференции молодых талантов.

– Зоя Сергеевна, ну какой я молодой талант.

– Калинин, Витя, не спорь, поучаствуете, получите свиде-

тельства, все это тебе пригодится в будущем.

– Хорошо, будет, что в туалете разглядывать.

– Калинин!

На конференции, а точнее сказать, ежегодном смотре детского и юношеского творчества во Дворце пионеров были разные участники. Многие ребята и девчата были действительно увлеченными натурами, представляющие свои поделки или разработки. Я же ничего не разработал лично, а взял чужие идеи из будущего, даже не разукрашивал стены домов пейзажами, кстати здорово изменившими вид нашего дома, и положившему начало целому движению юных энтузиастов, «патамушта не умею». Учитывая это, сказать, что я был горд за себя – естественно, не скажешь. Однако я, Пышкин и девчата из изостудии вместе с руководителем сегодня толкались среди участников и организаторов смотра, их узнавали в лицо заинтересованные люди, что это «те самые» художницы, а не просто учащиеся кружка рисования.

В общем, я постоял у стенки, походил между экспозиции разных поделок – молодцы школьники, увлеченные же люди растут, посидел на каком-то стоящем с краю зала столе, пока меня не согнала почтенная старушенция, чем-то напоминающая Раневскую: «Молодой человек, куда вы свой зад пристроили, это же место под экспонаты или вы у нас тоже экспонат?»

В ответ я продекларировал слова веселой песни из будущего: «На выставке Ван Гога я главный экспонат!»

– Ван Гога тут нет, а вы вставляйте и помогите нам принести тяжелый и хрупкий экспонат.

Я поперся за ней и в коридоре вместе с парнем подняли экспонат –трехпалубный корабль эпохи адмирала Ушакова, сделанный из спичек.

«Елки-палки, вот это шедевр, сколько выдержки и нервов у парня было, чтобы сколь скрупулезно его сделать», – похвалил я паренька.

Я аж вспотел пока нес его, чтобы не споткнуться и не сломать этот макет корабля. В общем, он и занял практически весь стол. Потом, пошел и посмотрел, как занимаются балльными танцами юноши и девушки, чье занятие проходило в актовом зале.

– Нравится, молодой человек?

Я развернулся и увидел пожилого «сенсея»: «Да, очень нравится, красивые танцы в классической программе и пары хорошо танцуют».

– А вы приходите, у нас есть трехмесячный курс для начинающих. Подберем вам партнершу, и получите первые навыки танцев классической и латиноамериканской программы. А еще у нас соревнования для непрофессионалов проводят, так что сможете и выиграть приз, если будете усердно заниматься».

– Спасибо вам, подумаю. Просто я спортсмен и времени маловато.

– Ничего, все можно совмещать, а здесь вы какими судь-

бами?

– Да на втором этаже выставка юношеского творчества проходит, меня туда записали тоже.

– А что вы сделали такого, что на выставку попали?

– Ничего, я сюда, как идейный вдохновитель уличного граффити попал. Дома видели, которые разрисованы под море и под старую улочку.

– Да, вы знаете, очень здорово это вы придумали. Нам с супругой Ириной, вон она ведет занятие, так это понравилось, когда мимо шли. Дома совершенно другие сразу стали, не серые и унылые, а яркие и живые.

– Вот художницы как раз в зале и крутятся.

Мимо нас, кружась в ритмах вальса, пронеслась симпатичная пара, точнее партнерша.

– Это наши чемпионы города в своей возрастной группе, хорошо танцуют.

– Да и внешне симпатичные.

– Ох, молодость, молодость, кто о чем, а парень о девушке.

– Да это так, к слову пришлось.

«Калинин, вот ты где, пошли там награждение начинаются! – примчалась Влада, забирая меня и обратившись к тренеру. – Ой, извините, но нам пора».

В общем, отличился я еще и как разработчик нового направления в живописи в конкретном городе, хотя чего оно там новое, за бугром стены и заборы давно так размалевывают.

Нам всем вручили «Почетные грамоты». Ребята были рады, ну а, улыбался за них, за их успех и признание, и за компанию.

Вот после раскраски домов нам и посыпались заказы сделать такой ремонт в прихожей, подъезде, на даче. Мы выработали наши требования и расценки за работу. Обследовав объект, куда поначалу приглашали меня и брата Красиной, работающего в отделочной бригаде в моем управлении, для осмотра объемов работ и предварительного осмечивания. Если там можно было обойтись легкой доводкой стен, типа сорвать обои, слегка подготовить стены и изобразить картину, то за дело брался я с Лапой, Сявой, Хреном, Дегтярем и Евгением Красиным. А если их надо было выравнивать, перештукатуривать, то есть капитально доводить до ума, то мы высказывали все это заказчику и он принимал решения – обращаться к профессиональным строителям или «итак сойдет». А после нас к работе приступали художники-дизайнеры, то есть Пышкин и его команда девушек, которые вначале готовили эскизы по требованиям заказчика, а затем делали финишную отделку. Так что у ребят появились живые деньги, и они оказались при деле, к сожалению, запуская при этом учебу в школе.

«Леди и джентльмены, – обратился я к народу, – хочу сказать следующее. Деньги и увлекательная работа – это хорошо, но многие из вас пойдут учиться в институты, а сегодняшнее занятие останется лишь в качестве хобби. Поэтому,

давайте организовывайтесь и успевайте делать все: и гулять, и работать, и учиться».

Все было в советском обществе. Кроме нормальных адекватных детей были откровенные двоечники и троечники, которые ничего не хотели знать, была и просто шпана, которая вообще не хотела учиться, а занималась кражами и хулиганством.

Но, несмотря на это, общий уровень знаний большинства ребят был вполне приемлемым. Пусть купить интересные книги была проблема, но работали библиотеки, в которых были записаны многие дети и взрослые, они брали и читали книги, развивая свое мышление и расширяя кругозор. Да и школьная программа была довольно грамотно продумана. Многие дети с неподдельным энтузиазмом ходили в бесплатные кружки и спортивные секции, развиваясь как личности.

Вот так и текла моя жизнь в СССР. Я работал грузчиком, тренировался, учился, иногда по выходным помогал бригаде молодых энтузиастов, встречался с девушкой и просто жил.

Глава 4. В лагере

Сданы контрольные работы, прозвенел последний звонок, идет последняя неделя мая 1984 года. Последнее воскресенье весны 1984 года, 27 мая. Утром семьей мы сели завтракать. "Ветераны" загадочно переглянулись между собой, после чего мама меня порадовала, да так, что я ж подавился.

– Сынок, хочу тебя порадовать, ты проведешь июнь на море в лагере.

– Кхе, надеюсь не в трудовом?

– Нет, в пионерском. У отца на работе выдавали путевки, вот он и взял тебе. Поедешь, развеешься, в море искупаешься, никогда же не был на нем.

"Эх, мама, дорогая, знала бы ты, в скольких морях и океанах мне пришлось искупаться, – но вслух я ответил, – а не слишком ли я старый для пионера?"

– Не слишком, тем более ты пионер.

– У меня работа, строительная бригада, тренировки.

– Ничего, возьмешь отпуск, а это последний год детства, зато будет, что вспомнить в старости.

"Везет скорый поезд "Воркута-Ленинград", – нет, ехал я в плацкартном вагоне пассажирского поезда в городок Лоо, что под Сочи, а эту песню я напевал, лежа на верхней полке. В вагонах ехала небольшая группа разновозрастных детишек и будущих воспитателей.

В купе заглянула какая-то воспитательница: "Молодой человек, а вы не могли бы исполнять песни из детского репертуара, а не блатного".

Я аж свесил голову с полки, дабы узреть, кто там меня беспокоит. Напротив меня стояла суровая тетка, судя по всему, кто-то из руководства лагеря.

– Так куда едем, такие и песни.

– Вы в пионерский лагерь едете, а не в колонию.

– Блин, не предупредили меня, что в пионерский, вернусь на «большую землю», разберусь.

Ехал я с каким-то молодняком 5-6 классов, поэтому народ с купе захихикал.

– А ну цыц, смеются они с уголовных шуток. Молодой человек, не подавайте плохой пример детям.

– Хорошо.

В итоге я замолк и стал медитировать, то есть спать.

Естественно я попал в первый отряд, на торжественной линейке была открыта 1-я смена. А потом в отряде началась всякая ерунда типа выбора физорга, командира отряда, председателя совета дружины лагеря и так далее.

Наша тренерша, то есть воспитательница оказалась нормальной теткой, поэтому, получив мой категоричный отказ, взялась за других пионеров и "пионерш". Когда выбирали физорга, парней заставили подтягиваться. Повисев на турнике сосиской, я все же пару раз подтянулся, чтобы не выглядеть совсем убогим. Выбрали Женька, спортсмена фут-

болиста. Пока шла вся эта муть, я осматривал женский коллектив отряда, а заодно, и мужской.

Осмотром женской части я, прямо скажем, остался доволен. Были симпатичные феи, причем штук пять, так что было на ком остановить глаз и, хотя бы, просто наслаждаться девичьей красотой и юностью. А то попался бы отряд крокодилов, как говорится, красавиц с приятностью "Годзиллы", так с кем по вечерам танцевать на дискотеке. Правда я и сам был не "принц на белом коне", но меня это особо не волновало – сам собой я был вполне доволен.

Единственно, что мне не понравилось в лагере – это было много ребят, представителей солнечной Армении, а когда таких представителей слишком много, они становятся очень храбрыми и наглыми.

Поселились мы в пионерском лагере с несколькими корпусами на каждый отряд, в которых было несколько комнат на 6 -7 человек для мальчиков и девочек. Рядом с лагерем была школа с хорошей спортивной площадкой. Вот туда я и стал ходить пару раз в день – утром и вечером, сгоняя лишний жир. Подтягивался я примерно 30 раз, так что к концу смены, прибавляя по одному подтягиванию в день, намеревался забираться на турник 50 раз. Попутно делал подъем-переворот, выходы на левую, правую и обе руки, работал на брусьях, качал пресс.

Очень нормальный и адекватный был физрук лагеря, постоянно придумывающий различные спортивные мероприя-

тия, он же руководил плавкомандой. Мы с ним хорошо ладили. Взрослых ребят записали в плавкоманду и мы периодически помогали пионервожатым смотреть за детьми младших отрядов во время их купания в море. Единственный минус лагеря было то, что на море надо было ехать через весь поселок на автобусе. Мы ехали, а девчонки горланили песни, чаще всего «По Дону гуляет казак молодой», как будто других не знали.

А когда лагерь выезжал на пляж, в свободное время мы купались в свое удовольствие, заходя в море не по команде, а когда захочется. Море было хорошим, практически весь лагерный сезон был штиль или слабое волнение. Я люблю купаться в шторм, но кто ж нас вообще вывезет к морю в это время.

Как-то сразу мы сбились в небольшую команду: я, Женька, Славик, высокий парень для себя занимающийся баскетболом, и Тимоха, небольшой спокойный паренек. Отдельно держались очень взросло выглядевший для своих 16 лет парень Костик и его товарищ Олег, и совсем отдельно была армянская группа, а остальных я особо и не выделил, так, обычные ребята 14-15 лет.

Так и началась наша смена. А тренер тут же организовал футбольный матч с местными. Похоже, что это мероприятие было уже традиционным для этого лагеря. Играли мы на школьном футбольном поле, за нас болел весь пионерлагерь, а за местных – местная братва.

За нашу сборную играли все ребята из Армении, неплохо играли, Женька, я, Тимоха, и Игорь из пионервожатых какого-то младшего отряда. Шутки, шутками, а матч вышел принципиальным. Команда соперников была лучше сыгранной, и в наши ворота к 10 минуте залетело 2 гола, а могло быть и больше, если бы не вратарь – толстоватый, но необычайно для своей комплекции, подвижный парень из третьего отряда. Но ничего, я, играя либеро, потихоньку налаживал игровые связи, выводя в отрыв или накидывая на головы наших очень даже приличных игроков: Игоря – резкого и техничного нападающего, Женька или Карена, довольно крепкого и жилистого парня, верховые мячи. Так что к концу первого тайма в 30 минут счет был 3-3. Тут меня срубил подножкой игрок соперника, но извиняться не стал, а потрусил на свою половину поля. Игра стала более нервной, никто не хотел проигрывать, так что свисток судьи звучал все чаще. В очередной атаке соперника я хорошо подставил корпус с локтем, и мой обидчик отлетел от меня, упав на землю, что-то там пошипев в мою сторону. Судья засвистел – блокировка, по нашим воротам пробили штрафной.

Мы разыграли с Игорем стенку, и он лихо забил в угол очередной гол. Затем Женька с ним же хорошо разобрались с защитниками, закатив еще один. Потом я со штрафного закрутил мяч в девятку. Еще два гола влетело в наши ворота, а потом Карен поставил итоговую точку в матче.

Эмоций было много, мы обнимались, поздравляя друг

друга с победой.

«Молодцы, ребята, в прошлом году все три смены проиграли местным», – поздравил нас физрук.

Потом была поездка на яблоки, где, в общем-то, я и познакомился поближе с двумя симпатичными девушками – Ирой и Олей, а на ежедневной вечерней линейке мы со Славиком развлекали стоящую рядом с нами знойную естественную блондинку, а по совместительству председателя пионерской дружины, веселую и смешливую Светку, и еще одну девушку по имени Таня. Так потихоньку складывалась наша будущая компания. Вечером Женя включал магнитофон на узле связи лагеря и ставил привезенную с собой кассету с концертом «Модерн Токинг» и сборником «Бэд бойз Блю», Сандры, С.С. Кэтч и других модных исполнителей. Вечером были танцы, быстрые и медленные, которых становились все более тесными. Но на внимание красивых девушек претендовали и наши южные братья по разуму.

«Ну и ладно, пусть девушки сами выбирают с кем общаться», – решил я для себя, а сам тренировался, играл в баскетбол с ребятами и сам, купался в море. Костя с Олегом как-то сразу отделились от коллектива и все время где-то пропадали. Насколько я понял, случайно встретив их там, они стали частыми гостями у молодой воспитательницы в третьем отряде.

А еще в третьем отряде была очень даже ничего пионервожатая, и по ее виду можно было сказать, что девушка очень

даже коммуникабельная и разбитная.

Как-то повелось, что на море физорг ставил меня спасателем в третьем отряде, где работала эта «фея лета». И вот тут она принималась мной командовать и просто наезжать: «Витя, ты чего такой наглый, пялишься на меня, а то смотри, получишь у меня на орехи».

– Натали, куда и когда можно прийти и получить на орехи?

– Маленький еще приходит.

– Кошка.

– Ш-ш-ш-ш.

Примерно в таком духе мы и пикировались несколько дней, как бы знакомясь. А что, они студентки «педа» 1-2 курса, немного старше меня, но уже взрослые, бывалые. Девушки были молоды, горячи, уже считали себя взрослыми, хотели романтики, приключений и любви.

Вечером я подождал ее после танцев, на пути к ее корпусу и, затянув за кусты, зажал ее рот своими губами. Девушка знала, чего она хотела, поэтому зашептала: «Витя, сейчас я детей уложу и выйду сюда».

– Тогда я тоже уложусь, там же нас проверять будут, и через полчаса приду.

Так и повелось, что перед дискотекой, иногда и после я гулял с Ирккой, а через несколько дней к ней присоединилась и Ольга. Мы целовались и обнимались под звездами, слушая пение цикад, болтали о разном, а после отбоя я выходил на

«любовное дело». Нравилось Натали это дело, раз она ждала меня снова.

Тут прошел конкурс «А ну-ка, мальчики», в котором участвовал и я. Мы, разбившись на команды, соревновались в нескольких конкурсах: надо было сделать прическу девочке из младших отрядов: были представлены «взрыв на макаронной фабрике» и «пощечина», салаты, где Олег проявил себя знатоком поварского дела, ну я тоже изобразил известные салаты с фигурной нарезкой помидоров и огурцов в качестве украшений. Трое невысоких армян показали «мастер-класс» каратэ, один показывал каты, а двое постановочный бой в медленном темпе с ударами ногами, уходами, короче, детский сад младшая группа. Но это была диковинка для Союза, ведь каратэ официально нигде не преподавали, так что для народа это было круто. В общем, было весело и интересно.

Как-то после отбоя я выходил на свое дело, столкнувшись в коридоре с парнями Суреном, Акопом и Спартакком, которые тоже куда-то собрались. Ну, собрались и собрались, это их дело.

На следующий день услышал их разговор: «А прикольно он ногами задрыгал, когда я ему вертолетик сделал, ха-ха-ха!»

– Прикольно!

Услышав знакомое название «вертолет» я подошел к парням: «Мужики, не надо спящим ребятам между пальцев

ног спички вставлять и поджигать. Вам чего делать нечего, взрослые люди, а ерундой занимаетесь».

– Не тебе вставляем, чего ты мешаешь развлекаться.

– Узнаю, что еще это делаете с младшими, морду набью.

– А сам по роже давно не получал?

Я посмотрел на Сурена и дал ему оплеуху, от которой он завалился с металлической оградки за эту самую оградку.

– Еще кто хочет мне по морде дать?

– Зря ты так!

Я и второму сунул в солнечное сплетение, заставив тоже согнуться и забыть на время, как дышать.

– И тебя тоже отоварить, каратист недоделанный?

Спартак промолчал, а я пошел дальше к корпусу второго отряда. Увидев знакомого парня, играющего с нами в баскет из третьего отряда, я подозвал его и сказал: «Муха, если к вам еще ночью наши ребята залезут вертолетик запускать или какую-нибудь другую гадость придумают, мне скажешь, понял?»

– Угу.

– Не слышу!

– Понял, Вить.

«Вить, ребят, Карен и компания пристаёт, проходу не даёт, что делать?» – обратилась к нам Света на очередном дневном рауте нашей компании.

– Перетрем с Кареном, а остальные как?

«Тоже лезут, руки распускают, – пожаловались и осталь-

ные девочки, – а некоторых ребят из отряда они бьют».

Мы остались вчетвером и парни стали обсуждать, чего делать.

– Да чего делать, с Кареном переговорю, он там заправила, остальные под ним ходят. Так что, как он скажет, так и будет.

– Мы с тобой, если что. Просто Карен вроде боксер, а его друзья каратисты

– Хорошо, сегодня и пообщаемся с Кареном и с каратистами тоже.

Вечером после ужина мы встретили Карена и его компанию.

«Мужики, девочки жалуются, что вы к ним пристаёте, не хорошо их обижать, да и парней вы бьёте отрядных, зачем? – спросил я. – Неужто спокойно нельзя отдыхать?»

– Витя, чего ты в каждую дырку затычкой лезешь. Оно тебе надо, чего мы делаем.

– Не надо, но девочки входят в нашу компанию, а ты неходишь. Раз они пожаловались, значит им неприятно ваше ухаживание. Есть же в отряде ваши девушки, вот с ними и общайтесь на родном языке.

– Тебе можно, а мне нет.

– Тебе нельзя, Карен.

– Поговорим по-мужски, Вить.

– Давно пора, Карен, пошли, отойдем.

Всю эту «терку» издали заметила Натали, которая пошла за нами, а за ней и наши девахи, тоже тайно посматри-

вающие за «мужскими разборками», подтянулись. Мы дрались один на один. Точно, Карен был боксером, занимался в секции и довольно успешно. Армянская школа бокса сильная школа. Но он боксировал в полусреднем весе, где-то в районе 62-65 кг, а я боксер полутяжелого веса за 75 кг, то есть был выше и мощнее его, так что ему ничего «не светило». После того, как он упал на землю, откуда-то сзади выскочила пионервожатая со словами: «Мальчики, прекратите пока воспитатели не увидели!»

Мы разошлись, она помогла подняться Карену, отведя того в умывальник. На следующий день Карен щеголял опухшим ухом и толстыми разбитыми губами.

Ночью в комнате пионервожатой она была вся на взводе: «Ну, Витька, как ты его, быстро, мощно уделал, мне понравилось».

– Наташ, он изначально проигрывал мне во многих аспектах, так что тут было не очень сложно победить.

– Все равно, ты крут.

– Спасибо.

Ой, потом я был главным Кощеем сказочной постановки первого отряда. Карен был моим помощником – командиром армии скелетов, Славик был Соловьем-разбойником, а Женя конкретным принцем, спасающим Светку от меня. В общем, мне тоже понравилось участвовать в постановке.

На следующий день, когда мы уже нашей толпой болтались на турниках, подошли четверо взрослых, точно после

армии, местных ребят.

– Ты Витя?

– Я.

– Ты обидел моего брата.

– И когда же я успел это сделать?

– Когда играл в футбол, ты сильно ударил его локтем в лицо.

– А было такое. Так, а чего он грубит. Я кроме него никого и не ударял, спроси остальных ваших футболистов, а этот мало того, что скосил меня, так еще толкался постоянно. Вот я и подставил локоть, а он в него налетел зубами.

«Гендуз, чего ты с ним разговариваешь, дай ему по морде, и пошли, сегодня в Сочи надо успеть», – сказал брату футболиста какой-то парень с оттопыренными ушами.

– Слышишь, Ушастик, ты не влезай, когда взрослые дяди разговаривают, пока здоровый стоишь.

Ушастик аж замолчал от неожиданности.

– В общем, Гендуз, есть желание подраться, сейчас получишь свое, а лучше давай, как взрослые люди обговорим претензии и разойдемся.

Гендуз был южным горячим парнем и от всей свой горной души залепил мне в голову. Я убрал ее в сторону и ответил. Подпрыгнув, ударил ногой в тому грудь, отчего он попятился и упал. Тут же я подскочил у Ушастика и лоу-киком скосил и его, добавив ногой в кедрах еще и под дых.

– Ну чего, расходимся, парни?

– В общем, лично мы к тебе претензий не имеем. Но не знаем, что скажет Гендуз?

Вставший Гендуз полез вперед, но получив хук в печень, снова прилег.

– Еще, парень?

– Больно, все хватит на сегодня.

– Гендуз, без обид, лучше спроси своего брата, как все было, ну а с тобой я просто защищался.

– Ладно, сочтемся при случае.

– Как хочешь.

Парни ушли, а мы продолжили тренировку.

Потом было лагерное путешествие в Сочи. Деньги у меня с собой были, так что чувствовал я себя вполне комфортно. По пути я купил девушкам мороженное, парни покупали за свои, а потом мы увидели очередь из отдыхающих за «Пепси-колой». Вот же, обычная газированная хрень, но за ней гонялись люди в СССР, она была дефицитом и имела имидж крутого напитка. А ведь многие советские граждане его в то время и не пробовали никогда. Я сам на него в первой жизни случайно попал в Туапсе, когда мне было лет 13. Купили несколько бутылочек семьей, попробовали – ничего впечатляющего, а больше-то и не видел его в продаже до 90-х, по крайней мере, не помню, чтобы пил его еще. Но тут как же, ведь «Пепси» наше все. Поэтому поперся я сзади ларька, в котором продавалось «Пепси» и куда стояла очередь человек в 20.

Открылась дверь и оттуда выглянула продавщица: «Молодой человек, что вы стучите!?!»

«Простите, пожалуйста, вон наш отряд из пионерского лагеря, несколько человек не видели никогда «Пепси», а если стоять в очереди, то и отряд уйдет. Дайте по рублю десять бутылочек, выручите!» – сказал, протягивая червонец.

– Без сдачи даю.

– Да, да.

Я догонял отряд с фирменным кулечком пепси и десятком стеклянных бутылок, госцена на которые была 45 копеек.

Нагулявшись и осмотрев Сочи с Ахуна, народ захотел пить.

– Братва, налетай!

Так что все те, кто из нашего отряда захотел пить, приложились к этому напитку. Естественно, что мои друзья пили в первую очередь свои бутылочки.

– Витька, ты без очереди достал?

– По рублю за бутылку любая продаст с черного хода.

Я смотрел и думал, что после него они еще сильнее захотят пить.

Потом был еще поход в горы на весь день, устроенный физруком, с романтикой поцелуев и объятий под сенью субтропического леса и подглядыванием за взрослыми первотрядниками ребятишек из третьего отряда.

– Муха, сейчас по ушам получишь, быстро свалил со своей бандой отсюда!

Вот так и прошла наша смена – легко, весело и романтично. Поезд шел на Москву, а по пути в трех городах сходили группки ребят из этой смены. Люди расставались, обменивались адресами, надеясь переписываться или даже встретиться когда-нибудь. А по приезду домой всех нас окружит круговорот новых событий и это приключение забудется.

– Вить, ты если будешь в Москве, заходи в гости.

– Хорошо Наташ, ты в общегаге живешь?

– Да, в общежитии, а сама я из Иваново.

– Невеста, значит.

– Да, из города невест.

– Удачи тебе, Наташ, хорошая была у нас смена.

– Хорошая, Вить, и ты хороший человек!

Глава 5. Удар ниже пояса. Школа и улица

Когда я закончил с ремонтом, то увлекся некоторыми мебельными изысками, и мы сварганили вместе с отцом шкаф-купе с большим зеркалом, установленным на раздвижных дверях. Мои друзья, увидев такое, также изъявили желание занять шкаф-купе у себя, но эту работу мы оставили на летние каникулы.

В самом начале июля я сел на ночной поезд и поехал в Ростов. Сердце мое стучало, когда я подходил к своей улице, своему дому. Вроде мой, хотя в глаза бросились и некоторые отличия. В поезде я обдумывал свое поведение, что сказать, как поступить. Но потом в голове рождался новый вариант и я все передумывал заново. В общем, решил просто зайти в гости, а там уже война-план покажет. Подойдя к дому, позвонил в звонок и стал ждать. На звонок вышел какой-то незнакомый мне мужик.

– Здравствуйте, а Королев Леонид здесь живет?

– Нет тут никакого Королева и никогда здесь не жил.

На несколько секунд я завис.

– Как это не жил! Это что, Королевых тут нет, а соседи с такими фамилиями живут тут, вот в этих же домах?

– Молодой человек, эти люди тут живут – все они мои

соседи, а вот чтобы Королевы тут жили когда-то, не знаю. Вы, похоже, что адресом ошиблись. Я живу тут с рождения уже 40 лет.

«Простите, действительно, похоже на то, что я что-то перепутал!» – ответил я и побрел по улице.

Заглянул домой к недалеко живущей от нас однокласснице отца по прошлой жизни. Она жила там же, где и при моей жизни, но Королева Леонида не знала и никогда с таким не училась. Пока еще было утро субботы, а, значит, учебный день, то я побежал в школу, где учился Королев, чтобы найти себя самого из 1984 года. Свой класс я нашел, снова увидев своих одноклассников и одноклассниц, какими они были в 13 лет. У меня защемило сердце, когда я смотрел на них и вспоминал себя в эти годы, но меня в классе не было. Сашка Королев никогда не учился в этой школе и никогда не дружил с этими ребятами. Переговорил я об отсутствующих сегодня ребятах. Может быть, я был под другой фамилией, но, увы, сегодня были все в школе.

Такого подарка судьбы я не ожидал. Получалось, что в этом пространстве вариантов меня не было. Все было так, как и в изначальной истории, в которой жил Александр Королев, а вот моего семейства там, где они должны были бы быть, не было.

«Что же делать теперь-то? Значит, буду жить, не оглядываясь на прошлое. Сколько у меня за эти годы было близких людей в двух жизнях, и всех их я потерял с этими перево-

площениями. Больно-то как в груди и погано на душе! – я сидел на лавке и тихо надрывно говорил в мир то, о чем думаю. – Я снова один! Что толку с того, что я молод и вся жизнь впереди, тянет–то к тем, с кем раньше прожил много лет, кто стал по-настоящему родными, а их нет. Интересно, как они там поживают без меня?»

Я смотрел в небо, но надо мной проплывали лишь темные тяжелые дождевые облака, и вдруг в их пелене образовалась дырка, через которую выглянуло Солнце, ослепив меня – вот он, знак судьбы.

В расстроенных чувствах я поехал на вокзал. Взял билет и отправился в свой новый дом, привыкать к новым родным и товарищам. Поезд размеренно катил по рельсам и, несмотря на такой удар «ниже пояса», как сказали бы боксеры, я заснул. Снился мне сон о моей прошлой жизни. На дворе 1971 год. Косыгин беседует с главой правительства Чехословакии Штроугалом: «Ничего не осталось. Всё рухнуло. Все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят... Реформу торпедируют. Людей, с которыми я разрабатывал материалы съезда, уже отстранили, а призвали совсем других. И я уже ничего не жду».

Потом я увидел людей, собравшихся в Кремле в особо засекреченной и экранированной комнате совещаний, узнавая их. Вот они: Андропов, Черненко, Суслов, Громыко и Устинов во главе с Брежневым, то есть все те, кто относились к «малому» Политбюро, сидят и что-то обсуждают, принимая

очередное важнейшее решения в государстве. Потом увидел расширенное совещание Политбюро и Сомина и никого из своих министров. Значит, нет уже у власти ни Воронова, Киричева, Ледкова, Клепченко и Коньшева, сменили их прежние руководители, те, что были бы «без меня». Получалось, что нет лично меня, и нет изменений.

Как ни прискорбно констатировать, но партийный аппарат отвергал любые реформы, стремясь лишь сохранить режим, обеспечивающий ему власть, стабильность и широкие привилегии. Они верили в Брежнева, рассматривая его как своего ставленника и защитника системы. Именно в брежневский период партийный аппарат полностью подчинил себе государственный, министерства и исполкомы стали простыми исполнителями решений партийных органов, которые зачастую были просто некомпетентны в экономике.

– Эх, Шурик, Шурик, умный ты, все-то ты знаешь, а оказался глупцом! Нельзя было оставлять у власти государства тех людей, кто это государство уже один раз развалил. Надо было кардинально устранять Брежнева и всех остальных вождей, снимая их и запихивая на рядовые должности в далекие города, подальше от центра. Ведь надеялся, что они люди умные, увидев реальные перемены, продолжат их, а вышло все, как всегда. Ну что же, буду знать, как поступать в будущем. История никого не учит, все проверяют ее на собственном опыте, зато она больно бьет. Так этот сон ударил и меня по моим надеждам и идеалам, который и стал ответом

на мой вопрос «как там без меня».

А потом появился ангел: «Ну что, дружок, повидал свое прошлое?»

– Печально, но это государственные дела, а личные?

– Все-то ты хочешь знать. Тоскливо без тебя твоим друзьям и родным, они видят, как меняется жизнь, ломая результаты их труда, но все они живы. Все посты, на которые ты ставил своих товарищей, теперь заняты новыми людьми. Галля, Лена, Женя, детишки, Ольга Кирова, Киричевы все они не так, как при тебе, но перешли на новую работу и неплохо живут – работают или пенсионерят. Да, вот еще что – Сандаг, Вера и Миша Боголюбов шлют тебе личный привет и верят, что ты проживешь новую хорошую жизнь, а Вольфа Мессинга и его супруги уже нет – умерли практически в один месяц, как ему и ей было отмеряно».

– Пусть им и моим родным я приснюсь, раз сам увидеть их не могу. А скажи, зачем я здесь, для чего Бог направил меня сюда, что ему надо?

– Бог есть в каждом из нас, это даже написано в церковных книгах. Как может кто-то быть во всем сущем: в Земле, звездах, энергиях, космической материи и антиматерии, в людях? Как ты понимаешь, чтобы быть в каждом из нас, он должен быть тем, из чего мы состоим. Назовем это первома-терией, на которую наложены человеческие энергетические слои – физический, астральный, ментальный и так далее, с основой в виде Святого духа, вдыхающего в человека жизнь.

Так что это ты сам себя сюда направил своей активной душой с жадой новых приключений.

А Богу ничего от тебя не надо, он просто проживает с тобой, как и с любым живым или неживым объектом, твою жизнь, полностью отдавая тебе свободу в принятии решений. Можешь думать, что ему это интересно. Поэтому помни, Бог всегда с тобой, просто, когда ты предстанешь там, наверху, на его суд, он очень хотел, чтобы ты своими мыслями и делами соответствовал имени «сын Бога», а не «ошибка природы».

– А как же убийства, я же столько убил людей за свою жизнь?

– Те люди нарушили закон Божий и должны были умереть за свои земные дела, так может в тот момент именно ты и был карающим мечом Бога, подумай об этом. Бог жестко наказывает людей за их черные дела, вспомни Содом и Гоморру или Всемирный потоп, ради блага других. Кстати, толерантная Европа 21 века тебе ничем не напоминает содомитов Содома и Гоморры, и других тогда же уничтоженных из-за разложившейся духовности Адмы и Севоима? Из этих городов спасся лишь один житель – человек по имени Лот.

– А как же убийцы, маньяки, садисты, они что, тоже карают обычных людей?

– Их божественная душа забита их разумом, который обработан дьяволом, то есть психологией, доминирующей в их среде обитания. Как думаешь, кто вырастет среди воров,

убийц или бандитов – очередной молодой волк или шакал, которые сделают за свою жизнь много разного зла, совершенно не терзаясь укорами совести и чувством вины. Но и для таких наступит момент, когда они перейдут «точку невозврата» и их постигнет кара Божья.

В мире нет справедливости в человеческом понимании этого слова, есть лишь гармоничное течение энергий и правильность человеческих мыслей, которые завещаны Богом – любовь, радость жизни и порядочность. Если мысли человека полны любви и радости жизни, то есть, в его мыслях нет негатива ни к миру, ни, что важнее, к себе, значит и в жизни негатив обходит его стороной. Вот представь себе лист из школьной тетради в клеточку, его ровные линии – это гармоничное течение энергий мира, ты – это клеточка, ее линии – это твои мысли. Когда ты думаешь о любви и радости, ты позитивный человек – твои мысли укладываются в Божественную картину мира и текут строго по кратчайшему пути – перпендикуляру, как нарисованы линии клеточки. Когда ты начинаешь ругаться, обижаться, ощущать вину, у тебя появляется завить и злоба, твои мысли деформируются и клеточка меняется на кляксу. А это значит, что она вносит нарушения в гармонию мира, давит на другие клеточки. Вот и подумай, ты победишь или целый мир, который будет давить на тебя, стараясь снова прийти к гармонии. В итоге, либо ты исправишься, либо в самом худшем варианте тебя просто уничтожат равновесные силы мира, чтобы убрать твою

кляксу. Вот и получается, что если добрый человек испытывает чувство вины, то он нарушает заповеди Бога, а на энергетическом плане «вина» требует наказания, она, как клякса, давит на мир и мир вернет человеку ответ намного больнее. И наказание быстро находится, проявляя себя неудачами, болезнью или смертью. Не зря же человеку Иисусом даны заповеди поведения. Просто люди, читая их, не всегда понимают, что все начинается с мыслей человека: хорошие мысли – попадешь на линии жизни, где все хорошо, плохие – уж, не обессудь. Богач думает о дорогой жизни, а бедняк о том, как дотянуть до зарплаты, один о том, что он умрет, а другой об исцелении, и реальность практически во всех случаях совпадает с мыслями. Вот проявление закона жизни на уровне энергий, как мы каждый день «от души» мыслим, то и получаем. Вот и ты мысли «со всей душой», как завещал Бог, по принципу – «все, что ни делается, к лучшему».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.